

«Ох, Зайка, ты просто гений!»

Маргарет Этвуд

«Интеллектуальное и зубастое
произведение. Экстравагантно
и забавно».

The New Yorker

«Восхитительный!»

Лена Данэм

Зайка

роман

Мона Авад

Мона Авад

Зайка

Издательство "Livebook/Гаятри"

2019

УДК 82-3
ББК 84

Авад М.

Зайка / М. Авад — Издательство "Livebook/Гаятри" , 2019

ISBN 978-5-907056-77-0

Саманта – студентка претенциозного Университета Уоррена. Она предпочитает свое темное воображение обществу большинства людей и презирает однокурсниц – богатых и невыносимо кукольных девушек, называющих друг друга Зайками. Все меняется, когда она получает от них приглашение на вечеринку и необъяснимым образом не может отказаться. Саманта все глубже погружается в сладкий и зловещий мир Заек, и вот уже их тайны – ее тайны. «Зайка» – завораживающий и дерзкий роман о неравенстве и одиночестве, дружбе и желании, фантастической и ужасной силе воображения, о самой природе творчества.

УДК 82-3

ББК 84

ISBN 978-5-907056-77-0

© Авад М., 2019
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2019

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	10
3	15
4	22
5	23
6	35
7	39
8	45
9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мона Авад Зайка

Посвящается Джесс

Mona Awad
Bunny

Впервые опубликовано Viking, подразделением Penguin Random House LLC. Права на перевод предоставлены AJA Anna Jarota Agency и The Clegg Agency, Inc., США. Все права защищены.

*Дизайн обложки Юлии Маноцковой
В оформлении обложки использовано фото Depositphotos*

© 2019 by Mona Awad
© Мария Чайковская, перевод на русский язык, 2020
© ООО «Издательство Лайвбук», 2020

* * *

Издательства «лайвбук» и Penguin поддерживают закон об авторском праве. Авторское право стимулирует творческий процесс, поощряет разнообразие, способствует свободе высказывания и поддерживает культурную жизнь. Благодарим вас за покупку официального издания этой книги и соблюдение закона об авторском праве, который предусматривает отказ от воспроизведения, сканирования и распространения какой-либо его части в любом другом месте и форме без разрешения автора. Приобретая официальные издания, вы поддерживаете писателей и издательский бизнес.

Это художественное произведение. Имена, персонажи и места действия вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, бизнес-процессами, компаниями, событиями или локациями случайно.

Часть первая

1

Мы называем их зайками, потому что именно так они сами зовут друг дружку. Я не шучу. Зайками.

Например:

Приветик, Зайка!

И тебе привет, Заинька!

Чем занималась вчера, Зайка?

Да мы же вместе были, Зайка забыла?

Ой, и правда! Мы были вместе! Просто лучший вечер в моей жизни!

Зайка моя, я тебя люблю.

И я тебя, Зайка.

А потом они обнимаются так крепко, что кажется, будто сейчас одна из них лопнет. Честно говоря, всякий раз, когда я сижу за партой в классе или аудитории или прислоняюсь к стенке на кафедре и наблюдаю за тем, как четверо взрослых женщин – моих сокурсниц – сюсюкаются и душат друг друга в объятиях, втайне надеюсь, что именно это и случится. Они обнимаются, когда здороваются. Обнимаются, когда прощаются. А иногда начинают обниматься на ровном месте, *просто потому что ты такая душенька, Зайка!* И они тискают кремовые тельца друг друга с такой яростью и сплетаются в такой горячий клубок любви, что даже у меня дух перехватывает. Они прижимаются щека к щеке, трутся курносыми носиками или висками. В такие минуты они напоминают мне обезьян, выбирающих друг у друга вошек. А еще миленьких демонических девочек из фильма ужасов. Четыре пары глаз жмурятся в почти что религиозном экстазе. Четыре пары напмаженных губок раздвигаются в приступе монструозной любви и издают визг, от которого у меня начинает дергаться глаз.

Люблю тебя, Зайка!

Сколько раз в прошлом семестре я втайне возносила молитвы, чтобы одна из них все-таки лопнула в этом удушающем объятии. Чтобы нежная плоть брызнула из рукавов, белых воротничков и воздушных юбочек, пышных, как завиток крема на капкейке. Чтобы одна из них случайно запуталась в прическе а-ля мать драконов, хитросплетениях косичек, которыми они все украшают свои аккуратные головки сердечком, и задохнулась. А не в косичках, так в приторных травяных духах, которыми они все душатся.

Но ничего из этого так и не произошло. Ни разу.

Они всегда выбирались из объятий целыми и невредимыми, сколько бы лучей ненависти я ни посылала в их сторону своими выпученными, как у злодея из мультика, глазами. Улыбались. Брались за ручки и раскачивали ими из стороны в сторону. В такие минуты их персиковая кожа так упоительно сияла от удовольствия, словно они только что умылись ключевой водой.

Люблю тебя, Зайка!

И презрение сокурсников им как с гуся вода. Мое, например. Саманты Хизер Маккей. Она-то не Зайка. И никогда не станет.

Я наливаю нам с Авой еще по стаканчику бесплатного шампанского в дальнем углу шатра и прислоняюсь плечом к белой дорической колонне, окутанной облаком дышащего тюля. Сейчас сентябрь. Национальный университет Уоррена. На факультете повествовательных искусств

в самом разгаре традиционный *Demitasse*¹ в честь начала учебного года. Потому что наш университет слишком элитарный, чтобы называть тусовку тусовкой. Смотрите, какие у нас изысканные вазы с тигровыми лилиями. А как красиво смотрятся рождественские гирлянды на облаках из воздушного тюля, плавающего повсюду, точно вы вдруг оказались в толпе призраков! А еще взгляните, какие у нас оловянные подносы, нагруженные семгой на шпажках и кростини с утиной печенью, украшенные крошечными засахаренными орхидеями. Взгляните на этих важных белых мужчин в черных смокингах, самодовольно обсуждающих гранты, выбитые на перевод французской поэзии, которую все равно никто не будет читать. Только посмотрите, как все эти заумные умы набились в этот пышный шатер, точно перья в подушку, – прекрасно постигшие все на свете искусства, кроме искусства общения. Улыбаются, забывая о том, что этот город – филиал ада на Земле. Или, как мы с Авой называем его, Логово Ктулху. Ктулху – это гигантский кальмароподобный монстр, порождение автора классических ужасов, который сошел с ума и умер здесь. И, знаете что, это не удивительно. Гуляя по улицам городка, лежащего за стенами Уоррена, чувствуешь, что с этим местом что-то неладно. Что-то не так с домами, деревьями, уличными фонарями. Стоит заговорить об этом в компании, и люди изумленно поднимают брови, не понимая, о чем речь. Все, но только не Ава. Ава в такие моменты говорит: *«Да, боже, вот именно! И город, и дома, и деревья, и фонари – тут, блин, все нездоровое какое-то!»*

И вот я стою, слегка покачиваясь, переполненная теплым шампанским, ливером и еще невесть каким теплым бухлом, которое то и дело подливает в мой пластиковый стаканчик из фляги Ава.

– Еще раз – что это, говоришь, такое? – спрашиваю я.

– Да ты просто пей.

Я наблюдаю поверх ее солнцезащитных очков за тем, как женщины, которых я, увы, вынуждена называть своими коллегами, встречаются после летних каникул, которые провели в разлуке в разных далеких краях: на каких-нибудь тропических островах, на юге Франции или в Хэмптонсе. Как их маленькие тела пылко бросаются навстречу друг другу в непонятном для меня восторге. Как их ногти, выкрашенные ядовито-ярким лаком, вонзаются в пухленькие ручки с яростным, но, не устану это повторять, насквозь фальшивым обожанием. Как их блестящие губки размыкаются, чтобы произнести эту их дурацкую кличку.

– Господи, они это серьезно? – кривится Ава.

Она впервые наблюдает всю эту вакханалию слащавости вблизи. Я рассказывала ей про них еще в том году, но она мне не поверила: *«Не могут взрослые женщины так себя вести. Ты все выдумала, Хмурая»*. За лето я и сама чуть было в это не поверила. В каком-то смысле сейчас было даже приятно их увидеть и убедиться, что я все-таки не сошла с ума.

– Ага, – говорю я. – Даже слишком.

Я вижу, как она рассматривает их сквозь сетчатую вуаль своим фирменным взглядом Дэвида Боуи – со смесью ужаса и тоски, сжав губы в невыразительную красную линию.

– Теперь-то мы можем уйти?

– Я пока не могу, – говорю я, не отрывая взгляда от заек.

Они, наконец, отлепились друг от дружки. На слащавых платьицах ни складочки, прически – по-прежнему волосок к волоску. Лица лоснятся, подпитанные незримым сиянием медицинской страховки. Они сбились в кучку и дружно умиляются неугомонному ши-тцу одной из преподавательниц.

– *И почему же?*

– Я уже говорила, мне нужно посветить лицом.

---

¹ Праздник, который устраивают в кругах богемы. Носит одноименное название с маленькими кофейными кружечками. – Здесь и далее, за исключением переводов и случаев, оговоренных особо, примечания переводчика.

Ава смотрит на меня и пьяно сползает по колонне. Я до сих пор ни с кем не поздоровалась. Ни с поэтами, исчадиями собственного булькающего ада. Ни со свежееиспеченными фантастами, неловко хихикающими над креветками. Даже с Бенджамином, дружелюбным администратором, за которого я обычно держусь на таких мероприятиях, помогая ему размазывать свежий паштет по тостам. Даже с Фоско, преподавательницей, которая вела у нас творческую мастерскую весной. Ни со всеми остальными представителями нашего многоуважаемого факультета. *А как твое лето, Сара? Как продвигается диссертация, Саши?* И все – с вежливым равнодушием. Они вечно забывают, как меня зовут. Что бы я ни сказала – честно призналась, что диссертация застряла, или откровенно наврала с полыхающими ушами, что все прекрасно, – реакция всегда одна и та же: неизменный понимающий кивок и немного печальная улыбка, вслед за которой мне скормят банальные до боли зубовой слова о том, что Процесс изворотлив и неуловим, а Работа – неверная подруга. *Просто поверь мне, Саши. Прояви немного терпения, Сара. Иногда полезно и отступить, Серена. Иногда, Стефани, нужно хватать быка за рога.* А за этим обычно следует пространный рассказ об аналогичном кризисе, который переживали они сами, пребывая в ныне уже, увы, закрытой рабочей резиденции где-то в Греции, Бретани, или Эстонии. Слушая, я буду понимающе кивать и все глубже и глубже вонзать ногти в собственную руку.

И уж точно я не стала здороваться со Львом. Хоть он и здесь, разумеется, – где же ему быть. Точно где-то здесь. Я вроде бы видела его краем глаза – он возмужал за лето, обзавелся парочкой новых татуировок. Он наливал себе бокал красного вина у бара. Голову он не поднимал, хоть я и заметила, что он почувствовал мой взгляд. А потом он заметил, что я заметила, но все равно никак не отреагировал и невозмутимо продолжал заниматься вином. После я его уже не видела, скорее ощущала его присутствие затылком. Когда мы только пришли, Ава сказала, что Лев, должно быть, где-то неподалеку, *потому что – ну ты только взгляни, – как небо вдруг посмурнело безо всякой причины.*

Все мое искусство общения в этот вечер свелось к полуулыбке в адрес того, кого зайки называют Шизанутым Ионой, моего собрата из поэтической группы, который прямо сейчас стоит в одиночестве у чаши с пуншем и блаженно улыбается, пребывая в своем блаженном мире антидепрессантов.

Ава вздыхает и прикуривает от одной из спиртовых свечек, которыми усыпан наш стол. Оглядывается на заек – те в этот момент разговаривают о чем-то и поглаживают друг друга по рукам.

– Я так скучала по тебе, Зайка, – воркуют они тоненькими приторными голосками, хотя, блин, стоят в метре друг от друга, и я прямо ощущаю у себя на языке этот металлический привкус ненависти, которая переполняет их сердца.

– А я скучала по тебе, Зайка. Без тебя это лето было просто невыносимым. Я и слова написать не могла, так мне было грустно. Давайте больше не будем расставаться, хорошо?

Ава, услышав все это, запрокидывает свою пушистую голову и откровенно хохочет, даже не пытаясь прикрыть лицо ладонью. Какой восхитительный, хриплый смех. Разливается в вечернем мареве, точно музыка, которой здесь, конечно же, нет.

– *Тихо!* – пытаюсь резонить ее я, но уже поздно.

Смех привлекает внимание одной из заек, которую я называю Герцогиней, и она поворачивает в нашу сторону свою головку в короне ведьмовских платиновых локонов. Сначала она смеряет взглядом Аву. Затем меня. Затем снова Аву. Должно быть, удивлена, что я в кои-то веки стою не одна и что у меня тоже могут быть подруги. Ава встречает ее взгляд смело и открыто, прямо как я в своих мечтах, когда воображаю себя храброй и крутой. У Авы взгляд грозный, европейский. Не отводя глаз, она продолжает курить и потягивать шампанское. Как-то раз она рассказала мне о том, как играла в гляделки с цыганкой в парижском метро. Та женщина откровенно глазела на нее, и Ава решила поглазеть в ответ. Они неслись сквозь Город

Огней и целились друг в друга взглядами, точно из ружей. Просто смотрели друг на дружку с разных концов громящего вагона. А потом, не отводя от цыганки глаз, Ава медленно и многозначительно сняла сережки. Зачем она это сделала? Она решила, что сейчас они схватятся не на жизнь, а на смерть. Но, когда поезд прибыл на остановку, цыганка просто встала и направилась к выходу, да еще и двери вежливо придержала, пропуская Аву вперед.

Ну, и какой урок мы можем из этого извлечь, а, Хмурая?

Не делать скоропалительных выводов?

Никогда не отводить взгляд первым.

Поворот головы Герцогини тянет за собой головы остальных заек. Сначала оглядывается Кексик. Затем – Жуткая Кукла стреляет в нас взглядом тигриных глаз. А после и Виньетка поворачивает в нашу сторону свое скуластое викторианское личико с изумленно приоткрытыми пошлыми губами. Все они разглядывают нас с Авой с головы до пят, впиваясь взглядами с той же жадностью, с которой их маленькие ротки потягивают причудливые коктейли. Носы подрагивают, восемь глаз смотрят на нас, не мигая. Смотрят и смотрят. А потом резко обращаются к Герцогине и склоняются друг к другу, а их густо намазанные блеском губки начинают шептать.

Ава стискивает мою руку, крепко.

Герцогиня оборачивается к нам, приподняв бровь, и поднимает руку. В ней, что, невидимый пистолет? Да вроде бы нет. Ее ладонь пустая. А затем она неторопливо машет. Мне. На ее лице даже некое подобие улыбки. А губы произносят: «Приветик».

Моя рука внезапно оживает и поднимается прежде, чем я успеваю опомниться. Я машу им в ответ и говорю «Привет» одними губами.

А потом все остальные зайки, как по команде, поднимают руки и начинают махать мне в ответ.

И вот уже мы все машем друг другу под воздушными облаками тюля.

Все, кроме Авы. Она молча затягивается и разглядывает заек так, словно перед ней – четырехглавая гидра. Когда же я наконец опускаю руку и поворачиваюсь к ней, вижу, что Ава смотрит на меня так, словно я ей чужая. Или и того хуже.

2

На следующий день я нахожу в своем факультетском почтовом ящике приглашение, аккуратно сложенное в оригами в виде белого лебедя. Должно быть, кто-то из них просунул его между журналами с экспериментальной поэзией и листовками с рекламой факультетских чтений, премьеры румынской документалки и пьесы одной актрисы под названием «Город есть Тело, Тело есть Город». Я пришла сегодня рано, еще до начала занятий, проверить, пришла ли стипендия. Пока нет. Я бросаю остальную почту в мусорку, а затем разглядываю лебедя. Кто-то из них разрисовал его рудиментарную голову пурпурными чернилами. Две влажные точки глаз по бокам от очень острого клюва. Они подкрасили его помадой и нарисовали ямочки на щеках – чтобы казалось, будто он улыбается. На крыле надпись – «Открой меня!☺».

*Саманта Хизер Маккей,
Мы сердечно приглашаем ВАС на...
НЕПРИСТОЙНЫЕ ПОСИДЕЛКИ
Когда: «Синий час»²☺
Где: Вы знаете, где☺
Принести: Себя, пожалуйста☺*

Я смотрю на свое имя, написанное витиеватым почерком блестящими чернилами, усыпанное завитушками и крошечными сердечками. Чья рука его выводила, должно быть, Кексика или Жуткой Куклы? В коридоре, как всегда, холод собачий, но меня внезапно прошибает пот. Это, скорее всего, ошибка. Это ошибка. Черта с два они когда-нибудь пригласили бы меня на свои Непристойные посиделки. Это же их зайкино гнездо, событие их узкого круга, вроде Ми-Ми-Вторников, просмотра «Холостячек» под винишко или лепки лесных зверюшек из жженого сахара. Весь год зайки без конца обсуждали эти свои Посиделки под дверями аудитории, пока мы ждали начала Мастерской.

О Боже, КАК мы вчера классно посидели на Посиделках!

И я ЯВНО махнула лишнего!

О, а на следующих Посиделках мы могли бы...

А остальное дошептывалось на ушко, прикрытое ладошкой.

Еще раз разглядываю свое приглашение. Быть не может, чтобы оно было мне. Но ведь на нем мое имя, и все такое. *Саманта Хизер Маккей*, окруженное пухлыми сердечками. При виде моего имени, украшенного всеми этими завитушками, внутри все почему-то стыдливо и неловко сжимается. Я вспоминаю, как вчера они махали мне. Сначала Герцогиня, а потом и все ее зайки. И как я сама махала им в ответ и не могла остановиться.

В этом семестре мы опять будем ходить в Мастерскую впятером. А начинается она уже завтра. Мысль об этом снедала меня все лето. Мне придется сидеть с ними в комнате целых два часа и двадцать минут. И этого никак не избежать. Каждую неделю. Тринадцать недель. Я боялась, что все будет в точности как в прошлом году. Я с одной стороны квадрата из столов, они все – с другой, сбившись в кучку, слившись в единое тело с четырьмя головами и четырьмя парами прищуренных глаз. Герцогиня читает вслух свои тексты, нацарапанные бриллиантовым стилусом на стеклянных планшетах, а зайки – прикрыв глазки – слушают ее, будто это оперная ария. Пожимают друг другу ручки, восхваляя услышанное. *Ох, неужели это все, я бы послушала еще тысяч пять страниц! Можно я просто скажу, что растворилась в твоём тексте и теперь хочу поселиться в нём навечно?* Рассеяно трогают и гладят друг дружку, обсуждая наше

---

² «Синий час» – время дня, когда солнце находится за горизонтом – перед восходом или сразу после заката до наступления ночи (здесь второе), – но все же излучает свет.

еженедельное творчество. Внезапно взрываются смехом от какой-то шутки, понятной только им. Я никогда не смеялась над этими шутками, потому что не понимала соль, а они мне все равно не рассказывали, ведь им было некогда, они заливались смехом. *Прости, Саманта, ты просто не в курсе.* Да, вынуждена признать, я не в курсе. И так могло продолжаться несколько минут. Они хохотали со слезами на глазах, хватали друг друга за руки и плечи, пока я сидела на другом конце стола и глядела в никуда. А Фоско тем временем молча наблюдала за всеми нами. Я начала приходить на занятия все позже и позже. И в конце концов совсем перестала приходить. Представляю, как Фоско спрашивала их: «А где же Саманта?» А они все такие – «*Понятия не имеем.*» И пожимали плечиками в кашемире с беспомощными улыбками на лицах.

Может, в этом году они решили принять меня в свою компанию? Может, это приглашение – такой жест доброй воли? Или просто шутка? Да нет, это точно шутка. Так и вижу, как маленькие аккуратные пальчики складывают этого лебедя на столешнице роскошного дубового стола, стоящего перед окном, откуда открывается вид на пышную аллею. Как сосредоточенно закусывается пухлая блестящая губка остренькими белыми зубами.

– Вот сучки, – тихо бормочу я в молчаливую пустоту коридора.

– Привет, Сэм.

Я подпрыгиваю от неожиданности. Это Иона. Стоит позади и роется в своем почтовом ящике с улыбкой, как у Джима Керри в «Вечном сиянии чистого разума».

– Иона, ты напугал меня до черта.

– Прости, Сэм, – кажется, ему и правда становится совестно. – С кем ты разговаривала?

– Да ни с кем. Сама с собой. Иногда со мной такое бывает.

– И со мной тоже, – ухмыляется он. – Постоянно.

У него стрижка «под горшок», словно ему на голову надели суповую тарелку и обстригли. На нем расстегнутая парка, которую он никогда не снимает. А под ней – футболка с рисунком в виде котенка, играющего на синтезаторе в открытом космосе. Иона когда-то был наркоманом, а теперь вроде бы на реабилитации. Но все съеденные «колеса» оставили свой след, и голос у него стал тягучий, как слизь. А еще он самый лучший поэт в университете, самый дружелюбный и щедрый на сигареты парень среди всех, кого я знаю. Не совсем понимаю, за что его так недолюбливают собратья по цеху, за исключением, разве что, парочки ребят, еще неопределившихся с жанром. Может, все дело в том, что писатели и поэты не дружат ни в академическом, ни в социальном смысле. Помню, однажды, сидя в Мастерской, я увидела в окно, как Иона тащится за своей группой, безмятежно улыбаясь в пространство, пока они дружно перебивают ему кости. Знакомая до боли ситуация. Вот только Ионе, в отличие от меня, на все это наплевать. Он неуязвим, потому что почти всегда пребывает в своем поэтическом мире, а там ему ни холодно ни жарко.

– Какими судьбами в такую рань, Сэм?

– Да просто проверяла стипендию.

– О, слушай, мне тоже надо бы проверить, – радуется он. – Ох, мне степуха сейчас будет так кстати! Я тут накупил целую кучу книжек и пластинок, если сейчас стипендию не сниму, весь месяц буду есть лапшу из пакетика. У тебя такое бывало?

– Еще бы.

Ни разу не было. Потому что я себе такого расточительства позволить не могу. И весь этот разговор меня уже немного напрягает.

– Хм, как думаешь, стоит сходить? – он помахивает листовкой с пьесой.

– Нет! – вскидываюсь я, о чем тут же жалею и добавляю: – Я... ну... терпеть не могу постановки, Иона.

– М-м. Я вообще-то тоже. По большей части. Кстати, я видел тебя на вечеринке вчера. Даже вторую сигарету закурил, думал, ты придешь в курилку.

– Ага. Я просто рано ушла.

– М-м... – он рассеянно, понимающе кивает.

Наша с Ионой дружба завязалась на том, что мы стреляли друг у друга сигареты на улице и в курилках всевозможных мероприятий, которые я всячески стараюсь избегать. Обычно я первым делом нахожу дверь, через которую можно выскользнуть, и всегда натываюсь в холодных сумерках на Иону, курящего неподалеку от урны. «Привет, Саманта!» Так я узнала, что он – единственный со всего факультета, кроме меня, кто поступил напрямую, а не после колледжа при университете. Что он просто ради забавы подался на факультет, про который нам вечно твердят, что он самый трудный, самый избирательный в стране и вообще черта-с-дваты-туда попадешь. И прошел же, хотя и сам думал, мол Черта-С-Два-Все-Равно-Не-Попаду.

Скажи, здесь круто, обратился он ко мне в курилке на одной из первых вечеринок.

Ага, буркнула я, не сводя глаз с заек, которые уже успели сплестись в свой тесный змеиный клубок, блаженно жмуря глазки в объятиях друг друга, – ради бога, они ведь только познакомились, да как так-то!

Я как будто во сне, продолжал Иона, *и все думаю, когда же я проснусь? Может попросить кого-нибудь меня стукнуть?*

Ты хотел сказать «уципнуть»?

Щипок от такого не разбудит. А если и разбудит, то проснусь я в Фэрбанксе на Аляске, в отцовском подвале. А где ты проснешься, если тебя стукнуть?

Я проснулась бы за кассой в магазинчике где-то в Межгорном регионе глубоко на Западе, тупо плясая в кирпичную стену. И по вечерам писала бы, пытаюсь удрать оттуда в вымышленный мир.

В Мордоре, твердо сказала я Ионе.

Тогда лучше не будем бить друг дружку, усмехнулся он.

– Как пишется? *Лето прошло с пользой?* – улыбается он, передразнивая руководителя Мастерской смешанного жанра, Хальстрома, который вел ее весной и без конца капал нам на мозги, что лето – это прекрасная возможность для творчества, *которую нельзя упустить*. Потому что нам всем нужно будет к апрелю предоставить завершенную рукопись, а этот финальный год пролетит как один миг. И глазом моргнуть не успеем, как все это – он эффектным щелчком ухоженных пальцев обвел искусственные колонны, холодный камин и стены, как в пещере, – все исчезнет. На этих его словах все зайки дружно передернули плечами и мысленно обнялись. А поэты мысленно приготовились к неминуемой творческой бедности.

– Я вот свое лето удачно прошляпил, – вздыхает Иона. – В смысле я написал аж два сборника, но они такие стремные получились, что я теперь сижу и пытаюсь довести до ума хотя бы один. А ты, наверное, все лето строчила как сумасшедшая.

Я вспоминаю свое лето и вижу запыхавшиеся объявления на задней стороне музыкального киоска в университетском городке и пьяные танцы до упаду на крыше у Авы дома. Правда, иногда я все же поглядывала на пустую белую страницу с безвольно повисшим карандашом в руке. Иногда рисовала на этой странице глаза. Выводила задумчивое: «*Что я здесь делаю? Что я здесь делаю?*» – снова и снова. По большей части просто тупо плялилась в стену. Пустая и белая, она загадочным образом превращалась в моих глазах в пустую белую страницу блокнота, и наоборот. И так все лето.

– Ну, не знаю насчет *сумасшедшей*...

– Я все еще помню тот рассказ, что ты принесла в Мастерскую в прошлом году. Ну, помнишь, тот, который еще всем не понравился?

– Да, Иона, я помню.

Помню лица, искаженные ужасом. Озадаченно склоненные головы.

– Я его частенько вспоминаю. В смысле его вообще трудно забыть. У тебя вышло так...

– Зло? – прихожу ему на помощь я. – *Умышленно извращенно? Мрачно и агрессивно?* Я знаю. Мне кажется, примерно на таком мнении все тогда сошлись.

– Нет! В смысле да, получилось зло и мрачно, и извращенно. Если честно, твой рассказ напугал меня до усрачки, да так, что я пару недель не мог выкинуть его из головы. Но этим он мне и понравился. То, какой этот текст был злой, мрачный и извращенный, – он сияет улыбкой. – Типа, кто бы мог подумать, что обычный аквариум может оказаться таким жутким местом?

– Ага.

– Но, если вдуматься, ведь так все на деле и есть.

– Спасибо, Иона. Мне тоже зашло то твое стихотворение, которое всем не понравилось.

– Правда? А я уже хотел его порвать и выбросить...

– Не нужно. *Этого* они и добиваются.

Вышло чуть более запальчиво и горько, чем я хотела.

– Чего? – озадаченно переспрашивает Иона.

– Да неважно. Я лучше пойду. А то опоздаю на занятия.

Никуда я не опаздываю, потому что в это время нет никаких занятий. Но перед моим внутренним взором маячит Ава, ожидающая меня на скамейке и провожающая проходящих мимо студентов своим убийственным взглядом.

Хмурая, блин, шевели булками.

– М-м, ну ладно. Слушай, Сэм, а можно мне как-нибудь еще что-то твое почитать? Я, типа, ну, тащусь от твоих рассказов. Реально тащусь. У меня после того раза прямо ломка по твоим текстам, понимаешь?

– Эм-м... Да, наверное. Конечно, без проблем.

– Круто. Так может, как-нибудь встретимся, и...

В конце коридора у Ионы за спиной раздается звоночек приехавшего на этаж лифта, и у меня внутри все сжимается. Потому что я знаю, кто приехал, еще до того, как откроются двери. До того, как в коридор шагнет его высокая лощеная фигура, до того, как я услышу знакомое насвистывание. До того, как увижу его гриву – само воплощение Хаоса, тщательно культивируемого и уложенного глиной. Его руки, покрытые татуировками – воронами, которые словно следят за каждым твоим шагом. Лев. Идет прямо к нам в футболке с психоделическим и непонятным логотипом какой-то рок-группы. Одной из тех, которые мы обсуждали, когда общались. Он идет, овеянный ароматом зеленого чая, который обычно заваривает в своем кабинете и церемониально разливает по голым глиняным чашечкам без ручек. *«Как пишется, Саманта?»* наверняка спросит он меня своим глубоким голосом с шотландским акцентом.

Я вижу, как его львиное лицо слегка вытягивается при виде студентов в коридоре. Нужно проявить участие и дружелюбие. Спросить их, как прошло лето. Как им пишется. Все ли в порядке, получили ли они стипендию? И потом, я же тоже студентка, а значит, спросить нужно и меня. Это все усложняет. Однако он улыбается. Ну конечно же, улыбается. Это ведь его работа.

– Доброе утро, Иона. Саманта, – его голос едва слышно проваливается, когда он произносит мое имя, но он явно старается, чтобы прозвучало ровно и спокойно.

И отпускает нам крошечный кивок гривастой головой.

Я наблюдаю за тем, как он роется в своем почтовом ящике, битком набитом книгами и письмами. Тихо напевает себе под нос. Неспешно просматривает почту.

– Саманта, с тобой все в порядке? – спрашивает Иона.

Мне бы просто подойти к нему, как я воображала, наверное, тысячу раз, хлопнуть его по плечу и спросить: *«Слушай, мы можем поговорить?»* Возможно, его удивит мой вопрос. Быть может, даже застигнет врасплох. *«Поговорить?»* спросит он, бегая взглядом в поисках спасения. Словно я предлагаю нечто опасное, пугающее, даже незаконное. *«Боюсь, я сейчас*

занят, Саманта. Но, может, заглянешь ко мне в рабочее время?» Ну или он может прикинуться дурачком. Обратит ко мне прохладно-безразличное, непроницаемое лицо и ответит: «Да, конечно, Саманта. В чем дело?» И еще посмотрит выжидающе, мол, пожалуйста, прошу. Говори.

– Саманта?

Ну и что потом? Мне придется перейти прямо к делу и сказать: «Я не совсем понимаю, что между нами произошло, но я так больше не могу, все становится слишком странным, давай уже с этим разберемся?» Больше всего я боюсь, что в этот момент он посмотрит на меня как на ненормальную. Станным? Произошло? Между нами? «Прости, Саманта, но я не понимаю, о чем ты». При этом он не встревожится ни на йоту.

Но сейчас, когда я вижу его прямо перед собой и смотрю, как он проверяет почту, напевая себе под нос и задумчиво улыбаясь, цепенею и даже пошевелиться не могу – не знаю почему, но понимаю, что теперь мне действительно лучше уйти.

– Саманта, подожди, – окликает меня Иона.

– Я правда опаздываю, мне пора на занятия.

Лев поднимает взгляд от своей почты. Уж ему-то хорошо известно, что мне некуда опаздывать. Что в это время нет никаких занятий. И что я бегу от него, поджав хвост, как перепуганная... еще раз, на кого там охотятся львы?

– М-м, ну ладно. Удачи на занятиях, Саманта, – Иона машет мне вслед.

Машет и машет, невольно напоминая о том, как вчера это делала я.

3

Перед встречей с Авой я заталкиваю приглашение поглубже в карман. Она сказала, что будет ждать меня возле здания факультета повествовательных искусств, смотреть на часы и посылать в мой адрес лучи нетерпения. *Потому что в это здание я входить не буду, Хмурочка, не обессудь. И ты знаешь почему.* Я в ответ на это торжественно кивнула. *Знаю.* Хотя на самом деле и не до конца понимаю. Но в целом разделяю ее воинственную неприязнь к волчьей яме под названием Уоррен и ее придурковатым выкорышам. А также мнение, что в этом застенке умирают души и музы. Ей это знакомо не понаслышке, она тоже училась на художественном факультете в университете по соседству, правда не таком знаменитом и элитарном, как Уоррен, но он тоже чуть было не задушил ее музу. Вот только Ава не поддалась. Она сбежала, прежде чем они успели наложить лапы на ее душу. Ну уж нет, *к черту*. К черту их всех. Теперь она работает в подвале какой-то естественно-научной лаборатории в городе, раскладывает по полкамдохлых жуков. Каждый из них покоится в собственном крошечном стеклянном футляре. Это даже мило. Уж куда лучше для ее духовного и творческого благополучия, чем без конца околачиваться в компании богачей, которые притворяются бедняками, приписывают себе модные ментальные расстройства и с гордостью называют себя студентами факультета искусств.

Единственное, что Аве нравится в Уоррене, так это устраивать набеги на мусорки, стоящие на заднем дворе общежитий первокурсников, и подстебывать абитуриентов, шатающихся по кампусу в рамках ознакомительных экскурсий. Время от времени мы с ней надираемся на скамейке у дурацкой университетской статуи в виде летящего кролика, и караулим будущих студентов и их родителей. Матери оглядывают кампус с выражением заинтересованного покупателя, поглаживая унизанными драгоценностями руками спины своих оленят с таким видом, словно хотят сказать: *«Все это может стать твоим!»* Сами будущие студенты голодными глазами обводят зеленые лужайки кампуса, сияющие на солнце, прямо как пушок на их юных щеках, и наверняка представляют себе богато обставленные общежития и студенческие вечеринки, о которых все шепчутся. По словам Авы, на них ходят только лузеры и извращенцы. Не говоря уже о вполне реальном шансе лишиться башки в одном из темных переулков по пути из студенческого бара. И я не шучу. А если не головы лишиться, так приобрести парочку сочных синяков от хулиганов, которые шатаются по всему студгородку и окрестностям. Потому что жестокость, бурлящая в большом сердце пронзительно бедных кварталов этого городка, не совсем вяжется с тем, что рассказывают на университетских экскурсиях. Такие экскурсии обычно проводят старшекурсники в брендированных университетских свитерах. Они идут перед внимающей толпой спиной вперед и льют им в уши про новые мраморные статуи в вестибюлях и сияющие канделябры. В этом, считает Ава, и лежит корень зла.

– *Университет Уоррена был основан в тысяча семьсот семьдесят пятом году, а вон там...*

– *Бла-бла-БЛА,* – громко перебивает Ава, сидящая на скамейке рядом со мной. – *Слушайте, он вам этого не расскажет, но вашим чадам в этом кампусе бошки пооткручивают, – орет она матерям. Те оглядываются на нее в ужасе. – Ага, как пить дать! Топором по шейке р-раз!*

И она резко подскакивает в их сторону со скамейки, замахиваясь над головой невидимым топором. И тогда кто-то один из толпы, а может и несколько человек, обязательно испуганно вскрикивают.

И хоть я и сама в ужасе от этих ее выходок, каждый раз ржу до слез.

Теперь эта скамейка – наше место. Ава и сейчас, должно быть, сидит там, ждет меня, провожает взглядом проходящих мимо студентов и по обыкновению набрасывает в скетч-бук, по ее собственным словам, «*чудовищную правду*».

Но когда я подхожу, вижу, что скамейка пуста. Меня охватывает паника. Все накопившееся за последний год одиночество внезапно набухает у меня в груди, перед глазами начинает подрагивать влажная пелена. Но тут меня кто-то хватает за руку, окунув в облако знакомого аромата. Мои глаза закрывают ладони в кружевных митенках.

– Бу! – выдыхает она мне на ухо.

Хоть я и знаю, кто это, все равно делаю вид, что испугалась и картинно ахаю.

Она хрипло смеется и хлопает в ладоши.

– Боже, какая ты ссыкунишка! – радуется она.

– Знаю. Куда ты подевалась? – спрашиваю я.

– Да тут два идиота так показательно, громко и искренне обсуждали Вирджинию Вулф, что мне пришлось ретироваться. А тебя где черти так долго носили? Я тебя уже как будто лет пять тут жду.

Пока мы говорим, острый клювик бумажного лебедя в моем кармане больно тычет меня в живот, и я вспоминаю про приглашение.

– Немного заболталась с Ионой.

– Это тот обдолбанный поэт, который спит и видит, как бы тебя трахнуть?

– Ничего подобного.

– Да это настолько очевидно, что даже смешно.

– Он считает меня мрачной, злобной извращенкой.

– О-о, как мило, он еще и влюблен!

– Мы можем поговорить о другом?

Она смотрит на меня, сузив глаза.

– Так-так, похоже случилось еще что-то. Выкладывай.

– Ничего не случилось. Просто... Я кое с кем столкнулась. Чуть не столкнулась. С... ты знаешь с кем.

Ава кивает. Конечно, она знает.

– Вы *поговорили*?

– Я не смогла. Ну, ты понимаешь. В глаза ему посмотреть. После... ну, знаешь... всего, – я опускаю голову под прицелом ее пристального взгляда.

Вот только не могу понять, на кого из нас она злится.

– Предлагаю тебе всерьез рассмотреть идею поджечь его кабинет к чертям собачьим, – говорит она и улыбается. – А я тут уже решила, что тебя выкрали курочки.

– Зайки, – машинально поправляю я и чувствую, как к щекам приливает кровь.

Вспоминаю смайлики в приглашении. И нарисованные от руки сердечки.

– Да насрать. Я волновалась.

Она косится на величественные дубы, точно это не обычные деревья, а нечто мерзкое и зловещее, и зябко передергивает плечами, словно боится отравиться золотисто-розовым дыханием кампуса, пропитанным гадким вкусом роскоши. С отвращением разглядывает высокие старинные здания, кружевное плетение кованых ворот с острыми пиками и бескрайние, тщательно подстриженные и надушенные изумрудные лужайки, по которым бегают белочки и кролики, студентов, что прогуливаются по дорожкам между этих лужаек и обсуждают Дерриду³ и свою ринопластику⁴, с волосами, поцелованными осенним солнцем, подкрашенными его

---

³ *Деррида*, Жак (1930–2004) – французский философ и теоретик литературы, создатель концепции деконструкции. Один из самых влиятельных философов конца XX века. – *Примеч. ред.*

⁴ *Ринопластика* – операция по коррекции носа.

лучами так золотисто и красиво, точно они заплатили ему за то, чтобы оно подсвечивало их под нужным углом. У меня вот нет такого иммунитета к красоте. Весь прошлый год я бродила по кампусу со своим древним телефоном и фотографировала все подряд – *клик-клик-клик*. Каждый сезон, в разное время дня, при любом свете. Я ни разу не пересматривала снимки и никому не показывала. Вот обклеенная постерами скамейка между плакучими ивами. А вот двухсотлетняя колокольня. Камин, прямо как из «Гражданина Кейна»⁵. И мое селфи на фоне этого камина. А на этой фотографии мы с Авой у того же камина, прижимаемся висок к виску, не улыбаемся, смотрим в камеру строго – в нашем стиле. Она обхватывает меня за шею рукой в кружевных митенках. А вот на этой фотографии только Ава. Стоит у камина точно ведьма, приговоренная к сожжению на костре.

Ава касается ладонью моего лица и говорит со слабой улыбкой:

– Можем мы, наконец, убраться отсюда к черту? Ты же понимаешь, что я пришла сюда исключительно ради тебя.

* * *

За весь день я так ни разу и не рассказала Аве о приглашении Заек. Вместо этого мы отпраздновали то, что она снова и снова называла последним днем моей свободы, – отправились в монстро-бистро, где Ава рисовала, а я писала. По крайней мере, думала, что буду писать. Но вместо этого я сидела перед открытым блокнотом и наблюдала за тем, как она рисует. После мы отправились в зоопарк – поздороваться с гималайским мишкой, живущим в овраге. А затем – выпить по чашечке вьетнамского кофе со льдом в живописном районе в центре города, где меня однажды чуть не подстрелили.

– Да *ни фига* подобного, Хмурая, господи! Просто у какой-то тачки выхлоп бахнул, вот и все, – сказала она, когда я об этом упомянула.

– Фига!

– Тебе бы почаще на воздух выбираться.

– Я и выбираюсь. Мы же прямо сейчас вот, разве нет?

Мы заканчиваем вечер у нее дома, попивая сангрию, которую смешала сама Ава, да так крепко, что, мне кажется, она превратилась в чистый яд. Это время дня она называет Часом Песоволка⁶. По-моему же мнению, оно чудесным образом преображает этот жалкий клочок Новой Англии, окрашивая закатное небо в цвета перьев фламинго. Мы сидим на просевшей черепичной крыше и слушаем аргентинское танго, на полную громкость, пытаюсь перебить оглушающую мексиканскую музыку, вырывающуюся из окна по соседству. Мы танцуем, как танцевали все лето, по очереди исполняя партию Диэго. Это наш воображаемый танцевальный партнер с шагом мягким, как у пантеры, который однажды ворвется в нашу жизнь и научит танцевать как надо. У него опасные, влекущие глаза-угольки, прямо как у Рудольфо Валентино⁷, но с отцовскими морщинками в уголках в стиле Пола Ньюмана⁸, а еще отпадная улыбка и гибкое тело вокалиста из The Cramps⁹. Он прямо ах какой серьезный, совсем как Жак Брель¹⁰.

---

⁵ «Гражданин Кейн» (англ. Citizen Kane) – американский драматический кинофильм 1941 года; история жизни медиамагната Чарльза Фостера Кейна, прототипом которого послужил Уильям Херст (1861–1951). – *Примеч. ред.*

⁶ Отсылка к психологическому хоррору «Час Волка», в котором идет речь о незаслуженно униженном художнике, мучимом «демонами». Но еще больше – снами, или состояниями, пограничными между сном и явью, еженощно в «час волка» (время между тремя и четырьмя часами утра, когда подымает голову вся на свете нечисть) терзавшими его, покуда не свели преждевременно в могилу. – *Примеч. ред.*

⁷ Валентино, Рудольф (1895–1926) – американский киноактер итальянского происхождения, секс-символ эпохи немого кино. Его внезапная смерть на пике карьеры породила беспрецедентную истерию среди поклонниц. – *Примеч. ред.*

⁸ Ньюман, Пол Леонард (1925–2008) – американский актер, кинорежиссер, продюсер, которого называют одним из столпов Голливуда. – *Примеч. ред.*

⁹ Иттериор, Люкс (1946–2009) – американский певец, фронтмен и основатель легендарной гаражной панк-группы

Диего одевается в белые или черные костюмы, которые делают его похожим на кубинца, а еще в рубашки с рисунком в виде всполохов пламени. По утрам он печет для нас хлеб, приносит свежие цветы и расставляет в банках по всему дому. Сам он стихи не пишет, но любит читать их нам вслух, забавы ради. У него есть *ried-à-terre*¹¹ в Париже и Буэнос-Айресе. Но самое важное, он божественно танцует танго. Сейчас Диего я, а значит, я веду, и Ава может просто следовать за мной, довольно закрыв глаза.

Приглашение от заек наливается жаром у меня в кармане и тикает, словно бомба с часовым механизмом.

«Ну че, ты придешь седня?☺», – написала мне одна из них еще днем.

– Мне трудно представить, что ты Диего, когда ты топчешься по моим ногам, как мужик с завода, Хмурочка. Шаг мягкий, как у пантеры, забыла?

– Извини.

– Что с тобой сегодня такое?

– Ничего.

– Ты как будто где-то в другом месте.

Надо было написать им в ответ: *«Сорри, я заболела☺»*, и все было бы кончено. Потому что не надо мне туда идти. Потому что у меня зубы сводит, даже когда мы просто сидим в одной комнате и я слышу, как они фальшиво сюсюкаются друг с другом. И все же солнце уже село. А я до сих пор не отказала. Может, они сами не хотят, чтобы я пришла. И позвали просто из вежливости. Хотя, о чем я, какая вежливость? Это точно не про них. Должно быть, вся причина в том, что теперь они могут говорить друг дружке: *«Ну, мы хотя бы попытались. Она сама не захотела»*.

– Видите, Зайки? Я ведь говорила, что она не придет. Дружить с нами она не хочет.

– Но почему? – наверняка спросит Жуткая Кукла.

На голове у нее в этот момент будут красоваться бархатные кошачьи ушки, оставшиеся с прошлой вечеринки в честь Хэллоуина. Она с тех пор носит их, не снимая, точно они выросли ей в голову.

– Мы это уже обсуждали, – вздохнет Кексик, похлопывая ее по плечу. – Потому что она тю-тюшка.

– Смешное слово, Зайка, ты такая забавная. Я тебя обожаю.

– Так, ну все, – не выдерживает Ава. – С меня хватит.

– Что случилось?

– Ты явно где-то не здесь.

– Да здесь я, здесь, – лгу я.

– Что с тобой творится?

Уже половина седьмого. Мне нужно принять волевое решение. Я не должна туда идти. Вот так. Я не пойду. Не пойду, и баста.

– Мне, наверное, нужно будет отлучиться сегодня, – бормочу я.

Она поднимает брови. Понятное дело, она удивлена. Потому что за все то время, что мы знакомы, начиная с прошлой весны, я еще ни разу не тусила с кем-то другим.

– Это университетское собрание, – говорю я.

– Разве мы уже не ходили на такое недавно?

– Это другое.

Она изучает меня взглядом.

– Тебе просто надоело со мной?

The Stamps, которую он вплоть до самой смерти возглавлял с женой, гитаристкой Пойзон Айви (род. 1953).

¹⁰ Брель, Жак (1929–1978) – бельгийский франкоязычный поэт, бард, актер и режиссер. – Примеч. ред.

¹¹ Недвижимость (фр.).

– Нет! Конечно нет, мне никогда с тобой не надоест! – пылко заверяю Аву я, и это чистая правда.

– Можешь сказать, как есть, ты же знаешь. Я не буду реветь, или еще что.

Вместо ответа я достаю из кармана приглашение и протягиваю ей. Руками она до него не дотрагивается, только смотрит.

– Скорее всего, это прислала Кэролайн, – говорю я. – В смысле, Кексик, – поясняю я, вспомнив, что никогда не называла ей их реальных имен.

Она смотрит на меня безо всякого выражения.

– Ну, блондинка с пластмассовой прической, с жемчугом на шее и корсажем¹² из голубой орхидеи. Ты еще сказала, что она на кекс похожа. Ну, или на деревенскую девку, которая дорвалась до выпускного.

– Хмурая, да они все похожи на гребаные кексы, наигранные, слащавые, в аккуратных бумажных юбочках. Зуб даю, что это ручка-пахучка, а? – она выхватывает у меня приглашение, от души трет слово «сердечно» и втягивает носом его запах. – Как это вообще к тебе попало?

– Нашла в почтовом ящике утром.

– Так вот почему ты весь день такая странная.

– Я не знаю, что ответить. Такое чувство, что если я не...

– А, вот что! – она достает зажигалку и подносит к краю приглашения.

– Стой! Что ты делаешь?

– Только не говори, что всерьез подумываешь отправиться на вечеринку к этим тупицам?

– Нет.

– Ну и все, – она снова подносит огонек к лебедю, только на сей раз ближе, но смотрит при этом на меня.

Приглашение занимается с легким потрескиванием.

– Стой-стой, подожди!

– Ну что еще?

– Да... ничего. Просто, завтра начинается Мастерская.

– И что?

– А то, что в этом году в группе опять будем только они и я. Только мы впятером.

– И?

– Просто думаю, как сделать так, чтобы они не обиделись. В смысле на мой отказ. Понятное дело, я хочу отказать. Просто... эти девушки мои сокурсницы и, ну... коллеги.

– Те самые девушки, которых ты называешь шлюхенциями?

– Мне просто нужно подобрать слова и отказать правильно. Чтобы они не подумали, что я их ненавижу.

Она буравит меня взглядом.

– Хмурая, но ты ведь и правда их ненавидишь!

Я поглядываю на Аву из-под длинной челки – это она убедила меня ее отрастить. Так, по ее словам, я похожа на оторву. Разглядываю ее разноцветные глаза, высветленные волосы, тонкие и пушистые, как перышки, максимально не похожие на прически заек, ассиметрично подрезанные и местами выбритые. Ее кружевную вуаль, которую она носит как щит – попробуй, приподними, коль смелый. И понимаю: она ни за что на свете не станет носить варежки с котятками, или платье с накрахмаленным отложным воротничком. Она никогда не скажет: «Ой, какое у тебя миленькое платье!» – если это сраное платье ее бесит. Никогда не спросит: «Как у тебя делишки?» – если на самом деле чихать хотела на твои делишки с высокой елки. Не станет есть лавандовое пирожное, воняющее духами, или душиться туалетной водой, воня-

---

¹² Корсаж – букетик цветов, который девушки надевают в виде браслета на запястье к школьному выпускному и по другим формальным поводам.

ющей пирожными. Не станет наносить бальзам для губ просто для красоты. Разве что, если губы потрескаются. И даже если потрескаются, она все равно непременно накрасит их «Опасной Леди» – так она называет свою яркую, красно-голубую помаду, которая превращает ее в сюрреалистичную красотку, а меня в психопатку. Ее духи пахнут дымом и озоном, как после дождя, глаза она красит так густо, что ее пугаются детишки на улице, она носит каблук, хотя и так по меньшей мере на два дюйма выше меня, но фрик все равно тут я. Зачем она это делает? Да затем, что жизнь короче, чем наши стремления, так зачем ходить вокруг да около?

– Я действительно ненавижу их, – тихо говорю я. – Поэтому *стоит* отказаться. Но... Как ты думаешь, что мне стоит сделать?

Под конец дня жара спадает и из распаренной мусорки поднимается легкая вонь. Я смотрю на Аву, довольно долго, но ее лицо не выражает абсолютно ничего. А потом она достает зажигалку и прикуривает. Я опускаю взгляд и разглядываю свои ноги в тонких черных джинсах.

После невыносимо долгой паузы, во время которой листву растущего во дворе платана ерошит ветер, от которого у меня перехватывает дух, такой он порывистый и соленый, напоминающий об океане, который я никогда не видела, в отличие от заек, которые каждые выходные катаются на внедорожнике на побережье, фотографируются и делают селфи, со смехом врываясь в морскую пену, взявшись за руки, в купальниках в стиле Эстер Уильямс¹³, Ава говорит:

– Я думаю, что стоит сходить, если ты так этого хочешь.

– Что? Но я *не хочу!*

– А еще ты не хочешь их обидеть, так? Они же твои сокурсницы, – она сверлит меня взглядом, пока я не сдаюсь, и первая не опускаю глаза.

– Слушай, ты просто не представляешь, как это было невыносимо – ходить с ними на занятия. Ходить с ними в одну Мастерскую. Может, в этом году они решили сделать шаг навстречу, ну знаешь, стать приветливее, или вроде того.

Она фыркает.

– Я серьезно. Если я их обижу, они...

– Что? Удиви меня, что такого они могут сделать!

Я вспоминаю прошлый год. Когда они на каждый мой рассказ реагировали так, словно им маленький мальчик показал средний палец, а потом еще долго искоса переглядывались.

– *Очень... злая история*, – говорили они в конце концов.

– *Да. Очень резкая, как по мне.*

– *Да, вот именно! Как будто эта история сама упивается своей инаковостью, смакует свою шероховатость. Хотя, может, это просто мое видение (легкая почтительная улыбочка). И все же, мне бы хотелось, чтобы текст был более открытый.*

– Слушай, я схожу туда всего на часок, – говорю я. – Максимум. Просто отмечусь, и все.

– Да как хочешь.

– Я пришлю тебе фотки их дома изнутри, он наверняка пряничный.

– Ага, – кивает она.

– Можешь пойти со мной, если хочешь, – тупо предлагаю я.

– Боже, Хмурая, расслабься, я и за все деньги мира не пошла бы на эти милые маленькие посиделки. Кстати о них, тебе, наверное, лучше не задерживаться. Так что шевели лапками.

– Я скоро вернусь. Еще и стемнеть не успеет. В любом случае я тебе напишу.

Она ничего не говорит и неотрывно смотрит в книгу, которую только что схватила и открыла, смачно хрустнув корешком. Так сердито, словно книга только что показала ей язык.

– Эй!

---

¹³ Уильямс, Эстер Джейн (1921–2013) – американская пловчиха, актриса и сценарист, звезда «водного мюзикла» 1940–1950-х годов, получившая прозвище Американская Русалка и Русалка Голливуда.

Когда я начинаю спускаться по лестнице вниз, мне кажется, что она меня позвала, но, когда я поднимаю голову, Ава на меня не смотрит. Ее взгляд по-прежнему прикован к книге. Снова поднимается ветер и треплет страницы то в одну сторону, то в другую, но Ава упрямо продолжает читать – так, словно ничто не мешает.

4

Интересно, как долго я уже стою перед ее входной дверью и разглядываю маленький тюльпанчик, нарисованный на стене у старомодного медного колокольчика? На витиеватые буквы, складывающиеся в ее настоящее имя? Наверное, долго, раз уже успели сгуститься сумерки. На улице запахло еще слаще. Тени вытянулись и отрастили клыки. Я слышу воспитанный и звонкий женский смех, доносящийся из открытого окна с верхнего этажа. Переминаюсь с ноги на ногу. Отворачиваюсь. Еще не поздно уйти, вернуться к Аве и как обычно наблюдать за тем, как семейство енотов путешествует по водостоку ее дома. Подбадривать самого маленького – он вечно боится спускаться. *Давай, малыши, давай, дружно поддерживаем его мы с Авой, салютуя ему своими стаканами с выпивкой. Смелее! Храбрее!*

Район, в котором они все живут, просто до неприличия живописный, невольно отмечаю я, поднимаясь по мраморным ступенькам. По бокам лежат каменные грифоны с приоткрытыми клювами. Кажется, будто они кричат. Вдоль дороги тянется линия статных, солидных домов в сени деревьев, величественно склонивших зеленые головы. Отсюда рукой подать до шикарной богатой улицы, где, говорят, шампанское в ресторанах подают в фужерах, а кортадо¹⁴, который так любят на факультете, – с густой пеной, на которой рисуют шоколадом не сердечки или елочки, а настоящие произведения искусства. В магазинчиках на этой улице можно купить сок холодного отжима и органические вкусняшки для собачек. Максимальный контраст с моей улицей, где пахнет мочой и гнилой листвой.

Пока я стою на крыльце, с поднятой рукой, не в силах дернуть за колокольчик, смех наверху истончается в писк, словно они наглогались гелия из воздушных шариков. В четыре отчетливых, разных по тональности писка. Я дергаю веревочку колокольчик. Не потому, что мне хочется внутрь, а потому, что, во-первых, холодно, а во-вторых, в этом городе, даже в этом Пряничном районе, с наступлением темноты становится до нелепого опасно. Даже взгляд поднимать не нужно, чтобы понять, что в окне надо мной за белыми, дышащими занавесками возникло четыре мордочки с унитапно-белыми зубами. Волосы у них такие блестящие, что от одного взгляда на них можно ослепнуть, прямо как в затмение, если посмотреть на солнце без очков. В этот момент мой телефон вибрирует от сообщения с неизвестного номера. Это смайлик – обезьянка закрывает глаза ладошками. В голове бьется лишь одна мысль: *уйди, уйди, уйди*. Но мои ноги приросли к месту. Я жду, жду и жду, так долго, что небо заметно темнеет. К сладкому вечернему аромату, разливающемуся по улице, неожиданно примешивается резкая нотка гнили. С роскошного дерева рядом со мной тихо падают листья. Я стою, жду и считаю, сколько упало:

Один. Второй. Третий.

¹⁴ Напиток; готовится из эспрессо, с последующим добавлением горячего молока, в пропорции 1:1.

5

Я смотрю в глаза девушки, которую называю Кексиком. Потому что она очень похожа на кекс, или капкейк. Она даже одета как капкейк. И пахнет от нее запеченным лимоном и сахаром. Прямо как от глазури на тортах. Но не той ядовито-зеленой, или синей, что украшает дешевые торты в супермаркетах, а той, которой покрывают сладости на богатых свадьбах или пасхальных обедах. Когда мы впервые встретились на собрании для первокурсников, она была так похожа на кексик, что мне буквально захотелось откусить от нее кусок. Глубоко вонзить зубы в ее мягкое сливочное плечо. Зачерпнуть вилкой пухлую щечку.

Сегодня на ней платье небесно-голубого цвета, покрытое пеной белого шифона, и один из ее многочисленных кардиганов ему в тон. Белокурые волосы как будто только-только из-под утюжка. Губы покрыты бесцветным блеском, потому что, *Зайка, помадой пользуются только шлюхи*. Черт ее знает, шутила она или говорила совершенно серьезно. Шею Кексика украшает ожерелье из крупного белого жемчуга – похоже, она вообще никогда его не снимает. Иногда в Мастерской, зачитывая вслух свой очередной рассказ, она бессознательно растягивает это ожерелье пальцем туда-сюда. В последнем своем творении она вела постфеминистские беседы с различными кухонными принадлежностями.

Я жду, что она встретит меня как обычно, словно я – серая тучка на горизонте, от которой вскоре придется убежать под крышу. Или высокое, изъеденное болячками деревце, которое остается лишь пожалеть за то, какие у него голые и кривые ветки. Обычно, когда мы сталкиваемся в коридоре университета, или где-нибудь на территории кампуса, она плотно запахивает свой бабушкинский кардиган и крепко прижимает к груди книжки. Разве что не причитает: «Ой-ой-ой, кажется дождь собирается!» И говорит: «*Ой, привет, Саманта!*» – а сама украдкой оглядывается в поисках какого-нибудь спасения от разговора со мной. Например, разглядывает невероятный фонарный столб. Или следит за комаром, которого видит только она. Понятия не имею, какое-такое зло я ей сделала. Может, она просто услышала, как у меня урчало в желудке во время нашей первой встречи, и теперь, понятное дело, держится на расстоянии.

Но сегодня Кексик мне улыбается. Ее личико, кровь с молоком, сияет от радости.

– *Саманта!* Привет!

Словно она и правда рада меня видеть. Словно я – кардиган, расшитый блестками. Первое издание романа «*Под стеклянным колпаком*». Пряник в форме милой белочки. Парикмахерша, которая абсолютно точно знает, как именно нужно укладывать и взбивать ее боб.

– Я так рада, что ты все-таки пришла! Зайки! Вы только взгляните, кто здесь! Она пришла!

Она берет меня за руку – нет, серьезно, берет за руку – и ведет в свою огромную гостиную, которая выглядит в точности, как я себе и представляла, и в то же время совершенно по-другому. Дорогой пухлый диван и кресла с горами подушечек, высоченные бескрайние потолки. Белый камин. На полке – вазочка с хрупкими розовыми цветами. Остальные зайки сидят в свете свечей вокруг журнального столика. Вид у них самую малость раздосадованный, словно их кто-то заставил сидеть и ждать последнего гостя. Вот Жуткая Кукла, aka¹⁵ Кира. Виньетка, она же Виктория. Ну и, конечно же, Герцогиня, в миру Элеанор. По пути сюда я мысленно проигрывала различные кошмарные сценарии того, что может меня здесь ожидать. Я боялась, что войду и увижу, как они, совершенно голые, возлежат на гигантских грибах-лежаках, как та гусеница из «Алисы в Стране чудес». Ну или расхаживают по дому в изысканном белье

---

¹⁵ *Aka* (сокр. от *англ.* also known as – также известен как) – связующая фраза, указывающая на другое наименование предмета или человека.

нежных оттенков, обмахиваясь эротичными романами Анаис Нин¹⁶. Делают друг другу массаж под музыку Stereolab. Смотрят какое-нибудь изысканное, но невразумительное порно для гурманов на большом экране. Читают сексуальные манифесты семидесятых, держа в руках кремового цвета фаллоимитаторы вместо микрофонов. Ну или едят эротическую выпечку с многоярусного подноса, черт его знает. Но вместо этого они сидят кружком, как в Мастерской. На сомкнутых коленях лежат блокноты, похожие на большие кошельки. Обычно, когда я захожу в помещение, где проводится Мастерская, они сквозь зубы цедят мне «Привет», а когда я иду к своему месту, провожают такими косыми взглядами, будто я – зловещий туман, каким-то образом просочившийся в комнату. Но на сей раз они встречают меня такими радостными улыбками, будто я – лучик солнца. Улыбаются не только губами, но и глазами.

– Саманта! – ахает Жуткая Кукла. – Ты пришла! Мы начали думать, что ты заблудилась, или еще что.

Заблудилась? Я смотрю в ее янтарные глаза. Я зову ее Жуткой Куклой, потому что она напоминает мне одну из тех кукол, о которых я мечтала в детстве – в бархатном платьице, с рыжими кудряшками в стиле Ширли Темпл¹⁷ и с губками бантиком, застывшими в безмолвном «О!», словно ее глазки-блюдца только что повидали все чудеса этого мира. Она пишет сказки о девочках-демонах, красавчиках-оборотнях и прочей нечисти, населяющей земли ее родного Нью-Гэмпшира. А еще коллекционирует антикварные печатные машинки. По ее словам, в них живет особенная «призрачная» энергия, которую она выпитывает и потом переносит в свое творчество, в экстазе барабана по древним клавишам. Она в буквальном смысле – кукла, питомец остальных заек. Очень часто можно наблюдать сцену, когда Жуткая Кукла садится на ручки к кому-то из них и нежится в волнах очередной пышной юбки, точно кошка. Мурчит, когда ее хвалят и гладят по спинке, шипит, когда прекращают. И голосок у нее щебечущий и высокий, как у девочки из ужастика. Вот только я не раз слышала, как этот же голосок разом опускался на пять октав, когда она думала, что ее никто не слышит, и звучал словно из глубокого колодца. Из всех заек именно она чаще всего протягивает мне руку – например, отвечает прикольным стикером в общем чате или приглашает, пусть и в последнюю очередь и последнюю минуту, туда, где все они уже итак собрались.

«Привет, Саманта. Мы собрались на кухне пообедать. Приходи, если хочешь☺».

Кроме того, она – единственная из всех заек заговаривает со мной на всяких сборищах и тусовках. Когда мы пересекаемся, она ловко закидывает удочку с каким-нибудь вопросом, на который обязательно захочется ответить, а пока я говорю, кивает, поддакивает, а сама бегаёт взглядом по сторонам в поисках возможного спасения. Ну прямо как ребенок, который в шутку постучал в дверь «Страшилы» Рэдди¹⁸, а когда она распахнулась, замер, не зная, что теперь делать, может, просто деру дать?

Но сейчас ее медовые глаза источают самую доброжелательность. Она, безусловно, самая красивая из всех заек, самая странная и самая сексуальная. Все еще носит на голове леопардовые кошачьи ушки, которые пьяные зайки в шутку нацепили ей на голову во время прошлого Хэллоуина (я видела фотки в фейсбуке). Сегодня на ней черное платьице с рисунком из белых привидений с каплями крови на месте глаз. Она же прекрасно знает, что я не заблудилась. Они все следили за тем, как я топталась перед дверью добрых пятнадцать минут.

Мои уши краснеют, а губы вздрагивают.

– Эм-м. Нет. Я...

¹⁶ Нин, Анаис (1903–1977) – американская и французская писательница, известная своими эротическими романами и дневником, который она вела более 60 лет.

¹⁷ Темпл, Ширли (1928–2014) – самая популярная детская актриса всех времен, по мнению современных киноведов. О знаменитых кудряшках Ширли заботилась ее мама – она каждый день завивала на голове дочери 56 локонов. – *Примеч. ред.*

¹⁸ «Страшила» Рэдди – персонаж романа Харпер Ли (1926–2016) «Убить пересмешника» (1960), таинственный и пугающий сосед, которого боятся дети из романа.

– Зайка, она *шутит*, – встревает Виньетка.

Она сидит в кресле по левую руку от Герцогини, под лампой в форме лебедя, свет которой стекает по ее каштановым локонам. Виньетка в их компании играет роль хулиганки. Она самая зубастая из всех заек. Надевает грубые ботинки на рифленой подошве под изящные платица, носит нарочито лохматые прически и ходит с вечно приоткрытыми губами, каждым взглядом дымчато-серых глаз посылая окружающих к черту. Любит шокировать. Пишет экзистенциальные виньетки¹⁹ о диснеевских принцессах, которые трахаются в кровавых оргиях, или о диких женщинах, ползающих на карачках по дну беккетских²⁰ чертогов разума, откусывающая головы куклам Барби. Она все время выглядит обкуренной, точно сидит в облаке опиума. Вполне возможно, что в другой жизни она была балериной, пока не ступила на кривую дорожку концептуального искусства и не узнала, как приятно сутулиться. Несмотря на хрупкую прозрачную красоту ее личика с мерцающими голубыми прожилками вен, которое Аве напоминает о черепахах, а мне – о викторианских леди, она далеко не всегда одевается как пирожное. Мы познакомились на приеме для первокурсников факультета повествовательных искусств, и тогда я увидела совсем другую девушку: в джинсах и клетчатой рубашке, с пластиковым стаканчиком вина в руке, который она держала небрежно и естественно, совсем не так, как держит теперь. Тогда я подумала – вот с ней я могла бы и подружиться. Однажды я подошла к ней на вечеринке. В то время ее еще не засосало в Заячью нору. «Привет», – сказала ей я. Она тоже сказала: «Привет», да еще и посмотрела на меня с облегчением и благодарностью. Мы поговорили, неловко запинаясь и смущаясь. Мне пришлось притвориться, что я люблю фитнес, чтобы поддержать разговор. Но вскоре мы уже не столько говорили, сколько просто кивали, торопливо прятались за стаканчиками, делая более крупные и длинные глотки, и несли всякую чушь, вроде того, какими холодными, говорят, бывают тут зимы. А потом она извинилась и сказала, что ей нужно в туалет. После, всякий раз когда мы сталкивались на какой-нибудь вечеринке, она оглядывалась по сторонам так беспомощно, будто попала в ловушку. И тут же застегивалась и закрывалась на все замки. Но прямо сейчас она смотрела на меня точно так же, как в тот первый раз. Замки открылись, двери распахнулись – *давай, заходи, ну заходи же*.

– Но мы ведь правда подумали, что она заблудилась. На минутку, – настойчиво добавляет Жуткая Кукла.

– Это *ты* думала, – вставляет Виньетка, положив нежную ладошку на руку Жуткой Куклы. – А *мы* переживали, придет ли она. Но вот она здесь, – Виньетка смотрит на меня. – Вот и ты, Саманта, – и слегка улыбается.

– Да, – подхватывает Жуткая Кукла. – Вот и ты.

А затем они обе поворачиваются к Герцогине. Та сидит на мягком бархатном диванчике, чуть склонив голову набок. Ее роскошные платиновые локоны, тщательно уложенные в замысловатую прическу, сияют в свете ламп, но выглядит это несколько жутко, точно у нее на голове сидит светящаяся сказочная птица.

Облачена Герцогиня в белое шелковое платье с запахом, отороченное кружевом, с широкими длинными рукавами. Она, своей изящной скульптурной позой, напоминает мне некую таинственную богиню Луны с какой-то древней гравюры. И немного – одну из тех нервных цапель, прячущихся в ветвях плакучих ив, которых я однажды видела в зоопарке. Тонкий шелк и замысловатое кружево ее наряда прямо-таки разят кучей денег, которые она вывалила за них в магазине, где продают стразы и хрусталь.

---

¹⁹ *Виньетка* – в литературных произведениях, таких как роман, театральный сценарий, киносценарий, скетч и стихотворение, короткий эпизод, действие которого сфокусировано на одном временном моменте или персонаже, который дает ясное и точное представление об этом персонаже, идее, окружении и (или) объекте. Это короткий, описательный отрывок, который с помощью образов больше раскрывает смысл, чем сюжет.

²⁰ *Беккет*, Сэмюэл (1906–1989) – представитель модернизма в литературе, один из основоположников театра абсурда, нацеленного на то, чтобы зритель избавился от шаблонов в своем восприятии. – *Примеч. ред.*

Она смотрит на меня со смесью безразличия и безграничного терпения – точно такое же выражение возникает у нее на лице всякий раз, когда я открываю рот в Мастерской. Ее творчество самое непостижимое и загадочное в нашей группе. Более того, она выводит свои тексты на стеклянных дощечках маленьким бриллиантовым стилусом, который носит на шее. Она сама называет свои работы прелюдиями. И когда во время занятий меня вынуждают как-то охарактеризовать ее текст, я обычно использую эпитеты «как драгоценный камень» и «энigmatичный». И она всегда смотрит на меня так, словно прекрасно знает, что я лгу. Словно она мой психотерапевт и прекрасно видит, что я пытаюсь ее обвести вокруг пальца – *мол, брось, Саманта, давай все-таки поговорим серьезно*. Как будто она знает, что я считаю себя лучше их всех. Да, застенчивая, запинаешься, носишь наушники, темную неброскую одежду, ведешь себя вежливо, *все это, конечно, очень хорошо, Саманта*, но она-то знает, что под всем этим скрывается тихая ненависть, еще глубже – ярость, а на дне – незаживающая рана от неумения общаться как все они. *Что же с тобой случилось, Саманта?* Она словно знает, что про себя я дала им всем разные прозвища, *и что тут скажешь, милая, это печально*. Но, будучи богиней Луны и куда более развитой и высоко стоящей писательницей, чем все мы, созданием, исполненным любви и чистоты, почерпнутой в пене средиземноморского прибоя (хотя все знают, что она Верхний Вест-Сайд с ноткой Чарльстона²¹), Герцогиня стерпит и это. И будет все так же одарять меня своей благодатью – но на расстоянии. Благословит на кривой тропе, которой я пройду в одиночестве, прижимая к груди свою озлобленность, как зачитанную книжку, или домашнюю крысу. *В конце концов, каждая из нас сама выбирает свой путь, не так ли?*

Мои губы дрожат уже так немилосердно и заметно, что мне хочется прямо сейчас развернуться и сбежать из комнаты. Хм. Дверь еще открыта. Да к черту дверь, я готова дыру в стене пробить и удрать через нее.

А потом Герцогиня вдруг улыбается мне. И эта улыбка обволакивает меня, словно объятия.

– Саманта, – молвит она, – мы *так* рады, что ты все-таки смогла прийти!

Зайки по бокам принимаются согласно кивать. *Да, очень рады*, говорят их лица. *Очень-очень рады!*

– Можно я возьму твою пальто? – предлагает Кексик.

Я оглядываюсь. Она смотрит на меня с такой надеждой, ей так хочется забрать у меня неудобную верхнюю одежду, которой на мне, кстати, нет, что мне почти что хочется содрать с себя кожу и отдать в ее протянутые руки. Я прямо чувствую, как моя грудь покрывается алыми пятнами от смущения.

– Эм-м...

– *Зайка*, она пришла без пальто, – замечает Виньетка из своего опиумного облака, по-прежнему глядя на меня с заговорщицкой полуулыбкой.

Они прыскают со смеху. Кексик закрывает ладошкой рот, глядя на меня с таким ужасом, будто я голая. Или и того хуже. И она только что это заметила. Мне становится по-настоящему жарко. Так, что пот скатывается капельками по спине.

– Извините, – вырывается у меня, прежде чем я успеваю опомниться и не говорить этого.

– *Ты-то* за что извиняешься, Саманта? – спрашивает Жуткая Кукла своим томным голосом, рассыпав им пригоршню улыбающихся смайликов-чертиков.

– За что? – переспрашиваю я.

Теперь все взгляды устремлены на меня. Действительно, за что я извиняюсь?

---

²¹ *Чарльстон* – богатый город в Южной Каролине, основанный англичанами в 1670 году, с мощеными улицами, океанскими пляжами, дорогими особняками раннего колониального, викторианского, неогреческого, классического федерального и других архитектурных стилей и множеством исторических достопримечательностей. Город играл ключевую роль в британской колонизации Америки и развитии работорговли. Считается одним из самых красивых и дорогих городов США.

На меня неожиданно накатывает осознание, что они все сидят, сбившись в тесный кружок, а я по-прежнему стою. У меня начинает слегка кружиться голова. Но сесть я могу только на пуфик в форме сердечка между Жуткой Куклой и Виньеткой. Это единственное свободное место, очевидно предназначенное для того, чтобы кто-то из них забрасывал на него ноги. Мне подождать, пока они сами предложат присесть? Или...

– Саманта, – Герцогиня протягивает руку. – Проходи же. Присаживайся.

Она похлопывает по свободному месту рядом с собой на диване. Все остальные тут же бросают взгляды на Кексика – та смотрит на диван растерянно, словно до моего прихода там сидела она. Взглядывает на меня с таким видом, словно ей только что залепили смачную пощечину. Но улыбается.

– Да, Саманта. Пожалуйста, присаживайся.

– Я могу сесть здесь, – предлагаю я, указываю на пуфик.

– Нет, Саманта, лучше сядь на диван, – говорит Кексик. – Даже не сомневайся. Ты *такая* высокая!

– Прямо как Алиса, когда съела грибочки, – вставляет Жуткая Кукла.

– Или Гильгамеш, – замечает Виньетка, откинувшись на спинку своего шезлонга. – Или Вавилонская башня.

– Но *в хорошем* смысле!

Я подхожу к Герцогине. Прежде я еще никогда не сидела так близко к ней. Она раскрывает руки и заключает меня в объятия – я словно погружаюсь в благоухающее облако из волос и шелка, под которым прощупываются хрупкие птичьи косточки. От нее пахнет цветами и почему-то гарью. Отстранившись, она награждает меня загадочной интимной улыбкой – точно мы с ней только что пережили нечто особенное, такое, что словами не выразить. Ее длинные пальцы сжимают мои руки. И смотрит она на меня так, будто я – ее бесконечно любимый, но немножко недоразвитый ребенок.

– Саманта, – молвит она, сжав мои ладони. – *Как же* хорошо, что ты пришла. Хочешь выпить? Мы как раз придумали для тебя коктейль.

– Для меня?

Во мне что-то надламывается. Словно разжимается, расщелкивается спазм, схвативший мое сердце в тот миг, когда я увидела свое имя на крыле бумажного лебедя. Когда я ходила и не верила, что это приглашение адресовано мне. Разве это возможно?

Они все кивают. *Да, Саманта. Для тебя.*

– Вот, попробуй, – говорит Жуткая Кукла, протягивая мне напиток.

Я смотрю на желчно-зеленую смесь, в которой плавает нечто похожее на маленькую черную кашку. Мне хочется спросить, что это, но я стесняюсь, ведь это, наверное, грубо. Тем более когда они так искренне мне улыбаются.

Они провожают взглядом предложенный мне стакан. Мне прямо хочется заорать: *Почему вы вдруг так добры ко мне? Почему, почему, почему?* Но вместо этого я просто улыбаюсь в ответ. Беру стакан и подношу к своим губам. Внутри все невольно вздрагивает, когда напиток касается моего языка.

– Ну? Что скажешь?

– Разве это не в твоём стиле? – спрашивает Жуткая Кукла.

Я словно набрала полный рот лютой кислятины, да еще и с таким горьким послевкусием, что у меня глаза наливаются слезами, а рот мучительно морщится. Я невольно захожусь кашлем под их пристальными взглядами.

– Крепковато получилось, да?

– Наверное трудно выпить без закуски?

– Может, я подслащу? Может, просто нужно немного сахара?

Они смотрят на меня с таким искренним беспокойством.

– Да нет, все нормально, правда.

– Уверена?

– Да. Все супер, – я делаю еще один небольшой глоточек, мужественно подавив гримасу. Они в ответ улыбаются. Все, за исключением Герцогини.

– Саманта, – она кладет руку на мое колено, слегка впиваясь ногтями в кожу. – Непристойные посылки не поощряют ложь. Наше собрание – это вечер Абсолютной Истины.

Я опускаю взгляд на ее покрытые белым кружевом колени, на которых лежит футлярчик, обитый кроличьим мехом. Из него выглядывает стеклянная дощечка. Кажется, на ней что-то выгравировано. Я чувствую, как у меня внутри холодной змейкой сворачивается страх.

– Мне нравится коктейль, – говорю я. – Правда. Я...

Они взрываются смехом. Мне хочется выкрикнуть: «*Да что, мать вашу, я смешного сказала?*» Но этого я не говорю. А просто смеюсь вместе с ними. Ха. Ха-ха. Ха-ха-ха.

– Ох, Саманта, мы *так* рады, что ты сегодня с нами! – говорит Герцогиня.

– Я тоже, – говорю я.

Тепло, вызванное загадочным коктейлем, добирается до кончиков пальцев ног. Такое чувство, что по всему телу раскрываются маленькие нежные цветочки. Вроде тех, что цветут на полке ее искусственного камина. Или ирисов, стоящих на журнальном столике. Или тюльпанов, рисунки которых украшают эти невероятно высокие пастельные стены. А где-то над нами парит потолок, источающий загадочный, сияющий, золотисто-розовый свет.

Я открываю рот, и у меня вырываются извинения. Надеюсь, я не заставила их ждать? Нет? Я...

– *Не переживай*, Саманта. Честно говоря, мы только начали!

Я замечаю застенчивую стопочку книг на аккуратно подсвеченном лампочками журнальном столике: Байрон и Китс. Немного де Сада. «Эротизм» Барта. «Грозовой перевал». «Метаморфозы» Овидия. И – сюрприз, сюрприз – книга Льва. Его печально известный, жуткий и развратный роман, лихорадочный поток сознания о шотландце-социопате, который убивает женщин, вкладывая в каждое убийство глубокий философский смысл. Лежит поверх антологии русских сказок. Я краснею при виде его имени на обложке, да еще и такой. Герцогиня, перехватив мой взгляд, аккуратно снимает книгу со стопки и незаметно прячет под подушку.

Интересно, как много им известно о том, что произошло между мной и Львом в том году? Все только шепчутся да строят предположения. Наверное, они думают, что мы с ним переспали. Может, поэтому и сторонились меня все это время. А может, это мы с ним сблизилась потому, что они меня сторонились. Я не знаю. Прошлой осенью он вел Мастерскую, и они вечно искоса переглядывались, когда он хвалил мои работы. Потому что видели, как мы вместе выходили из аудиторий, частенько проходили мимо, когда мы с ним разговаривали в коридорах, наблюдали за тем, как мы обмениваемся книгами и виниловыми пластинками. Натыкались на нас в кофейнях, или ирландском пабе по соседству, куда мы заглядывали выпить по стаканчику после занятий. *В конце концов, почему бы и нет?* Видели, как он подходил ко мне на кафедре поговорить, видели, что мы рядом садились на чтениях. И наверняка заметили, как с началом зимнего семестра все это резко прекратилось. Он больше не садился рядом со мной на чтениях, не заговаривал со мной на вечеринках и не приглашал куда-то за пределами кампуса. Ну и конечно, той весной они видели меня, пьяную, на пассажирском сиденье его «субару» после вечеринки по случаю окончания семестра.

Могу себе представить, какие дикие фантазии возникали у них в голове. *Наверное, она ее связывает, прямо как герои в его извращенных рассказах, а ей нравится, потому что она тоже извращенка, только послушайте, что она пишет.* Мне хочется защитить себя от всех этих невысказанных обвинений, от этой микроагрессивной улыбки, с которой Герцогиня ровняет и без того вполне ровную стопочку книг.

Вы думаете, что все знаете, хочется выпалить мне. Так вот, вам только кажется, ни черта вы не знаете!

Но, если начистоту, что они могут знать? Разве в этой истории было что-то пикантное? Иногда, когда я вспоминаю ее сама, или говорю об этом с Авой, в ней чувствуется что-то такое. Особенное. А иной раз вся история разваливается на ходу, убегает сквозь пальцы, как вода. Вот если я вспомню все подробности. И изложу все в правильном порядке. Сделаю паузы в нужных местах, в других сменю тему...

Герцогиня все еще с улыбкой наблюдает за мной, наводя порядок на столе – поправляет пакетик на зиплоке с короткими коричневыми карандашами, мисочку с высушенными лепестками. Фаллоимитаторов нигде не видно.

– Саманта, – мягко произносит она. – Ты прежде *никогда* не бывала на Непристойных посиделках?

Нет, конечно, вы же никогда меня не приглашали, хочется ответить мне. Но вместо этого я опускаю взгляд на улыбчивого розового пони. Он стоит в центре журнального столика, точно жертвенный агнец.

– Эм-м... Нет, не думаю. А что, надо было принести что-нибудь с собой, или?.. Какие правила?

– Да *не заморачивайся,* – Кексик отмахивается от моего вопроса, как от мухи. – Просто смотри, как делаем мы, и втянешься. Для нас это вечера вдохновения. Как для художниц, понимаешь?

– Возможность растормошить в себе креативность, – вставляет Жуткая Кукла. – Открыть сердца и раздвинуть границы.

– И не только, – добавляет Виньетка.

– Зайка, – укоризненно говорит Герцогиня. – В любом случае, Саманта, ты и сама все поймешь. Кэролайн как раз собиралась начать, правда, Зайка?

Кексик серьезно кивает и ставит свой коктейль на стол.

– Кира, свет, пожалуйста, – говорит она Жуткой Кук ле, которая тут же послушно вскакивает со своего места и гасит лампы.

Нас окутывает полумрак. Единственным источником света в комнате остаются лишь маленькие декоративные свечи на столе и сияние их волос. Кексик поднимается с пола. Покашливает. И тянется к пакету на зиплоке, где, теперь я это поняла, лежат не карандаши, а палочки корицы. Она достает одну и держит перед собой, как свечку. С силой втягивает носом ее аромат, крепко зажмурив глаза.

И начинает читать:

– Если бы я чистила корицу, – молвит она дрожащим голосом. – Я делала бы это в твоей постели...

Это поэма Ондатже «Собиратель корицы». Продолжая говорить, она начинает счищать с палочки корицы слои – долгими и нежными движениями. Землистая ароматная пыль сыпется на стол. Я украдкой оглядываюсь. Все внимают ей и торжественно кивают. Герцогиня слушает ее, закрыв глаза. Жуткая Кукла рассеяно поглаживает и пропускает между пальцев пушистый хвост розового пони. Виньетка смотрит прямо перед собой, приоткрыв рот. Я не знаю, что делать мне, поэтому просто держусь за свой стакан и наблюдаю за тем, как Кексик декламирует стихи, все яростнее и лихорадочнее отрывая кусочки от палочки корицы. Она запрокидывает голову, прикрывая глаза, точно в экстазе, ее дыхание сбивается. Все это время Герцогиня сжимает меня за руку так крепко, словно лежит в родовых схватках. Мое пересохшее горло сводит от желания бесстыдно расхохотаться, но я сдерживаюсь.

Когда она замолкает, примерно с минуту в комнате царит торжественная тишина. Такая, словно в этих стенах только что прозвучала пылкая молитва.

И вот наконец Жуткая Кукла выдыхает шепотом:

– О боже, *как* эротично.

– Горячо, – говорит Виньетка.

– Мне безумно нравится то, как эротичность воплощается в тактильных и обонятельных переживаниях. Зайка, каждый раз, когда ты читаешь эту поэму, создается такое впечатление, будто она тобой овладевает, и ты словно воплощаешься в героине.

Все замолкают и смотрят на меня, как я понимаю. Похоже, ждут, что я тоже скажу что-нибудь эдакое.

– Это было... круто, – бормочу я, но звучит фальшиво, поэтому я добавляю: – Мне понравилось то, как ты рвала корицу.

– Сначала я хотела просто обмазываться пудрой, или подать печенье с корицей, но потом подумала: нет, нужно прямо рвать ее, рвать.

– Потому что ты не захотела насилловать ее природу, – замечает Герцогиня.

– Да, вот именно! – восклицает Кексик с таким видом, словно Герцогиня с первого раза уловила истину, которая ускользала от нее годами.

Герцогиня делает глубокий вдох, а потом медленно выдыхает, прикрыв глаза – опять-таки прямо как моя бывшая терапевт. Та, к которой меня заставлял ходить отец после смерти матери. Во время сеансов она сидела, закутавшись в кучу замысловато закрученных шарфов. Я лгала ей напрапалую. *Слышите голоса? – Конечно. – А демонические сущности видите? – Ну еще бы! – А теперь, Саманта, поведай, почему ты считаешь, что твой сон вещей и означает, что ты обречена умереть мучительной смертью?*

– Кира, Зайка, твоя очередь, – говорит Герцогиня.

После они все читают что-то по очереди. Жуткая Кукла облачается в красный плащ и читает эротическую версию «Красной Шапочки». Виньетка – главу из «Любовника» Маргерит Дюрас. Кексик в это время раздает спринг-роллы. И вот, в конце концов, Герцогиня достает свой стеклянный планшет из мехового футляричка и вслух зачитывает свою уклончивую и неоднозначную критику, написанную ею на «Природу эротики» Юлии Кристевой.

В конце они все дружно вздыхают – словно только что пережили оргазм. Я тоже вздыхаю на всякий случай. За весь вечер я выпила уже несколько самантейлей, а кроме того, несколько коктейлей голубого цвета под названием «Свет и Солнце». Они говорят – это противоположность коктейля «Тьма и Тучи». Я ерзаю. Герцогиня без конца поглаживает меня по руке. Мне начинает казаться, что розовый пони подмигивает мне своими блестящими глазками, обрамленными завидными ресницами. *Круто, да, очень круто*, без конца бормочу я. *Это весело, это прикольно, это здорово*, пытаюсь убедить себя я. Совсем не тупо и ни разу не по-идиотски. Я аплодирую вместе с ними, они улыбаются и смотрят на меня так, словно я – гигантская болотная гидра, которая наконец позволила им заплести свою неукротимую гриву в косички и обработать пилочкой острые когти.

Мы так рады, что ты пришла, Саманта, повторяют они снова и снова.

– Я тоже рада, – говорю я.

И с каждым разом все более искренне. Горячо убеждаю в этом четыре пары глаз. Ирисы на каминной полке. Пастельного цвета подушечки. Подмигивающего пони на столе, салютуя ему своим вечно полным стаканом. *Я тоже рада*.

Время от времени я вспоминаю про Аву. Ее хохот на вечеринке взрывается у меня в голове снова и снова, как фейерверк. Она бы и не поместилась на этом гномьем диванчике с ее-то ростом. Представляю, как она вошла бы сюда, в краденой одежде, порванных колготках, кусая губы под сетчатой вуалью, роняя пепел на пушистый коврик в форме сердца, заполняя комнату дыханием дождя и тумана. Ее голубой глаз и карий глаз буравили бы их лица пристальным взглядом. *Как все это тупо*, говорило бы ее лицо. *Тупо, тупо, тупо*.

– Что ты сказала, Саманта?

– Ничего, – говорю я, а про себя отмахиваюсь от Авы. *Все, хватит! Эти женщины – мои однокурсницы. Мои сверстницы.*

Женщины? Скорее уж девочки, Хмурочка. Взрослые женщины не ведут себя как озабоченные девчонки.

Они студентки, упираюсь я.

Вот именно. Прячутся от жизни в этом оторванном от реальности, изнеженном и уютном гнездышке самовозвеличивания.

Я вижу, как Герцогиня прячет свою бриллиантовую прелюдию обратно в кроличий футляр. Но смотрит при этом на меня. Как и все остальные.

– Что ж, Саманта. Твоя очередь.

Я оглядываюсь по сторонам – они сидят вокруг меня полукругом, их волосы одинаково сияют в полумраке.

– Моя?.. Но я ничего не принесла.

– Тогда просто *расскажи* что-нибудь...

– Только непристойное!

– Как мы, – говорит Жуткая Кукла.

Она все еще сидит в красном плащике.

– Уверена, Саманта, ты знаешь *кучу* непристойных историй, – говорит Герцогиня, положив ладонь мне на плечо.

– А я уверена, что за пределами университета у тебя есть и другая жизнь, загадочная, полная секса...

– Что? Нет у меня...

– Ну конечно есть.

Они сливаются в растекшуюся в темноте розовую кляксу. Восемь глаз смотрят на меня с жадным нетерпением. Давай же. Ну! Расскажи.

– Нет, серьезно, я...

– Ой, да брось, Саманта, – их глаза превращаются в щелочки, а губы раздвигаются шире.

Они смотрят на меня с полной уверенностью, что я намеренно укрываю от них какой-то особенно интересный пикантный секрет. Упорно не пускаю в свою распутную письку. И с этим надо что-то делать. *Вот почему мы тебя никуда не зовем, Саманта. Проблема не в нас, проблема в тебе. Неужели ты не понимаешь? Это ведь ты сторонисься и не хочешь делиться с нами всяким таким.*

Я смотрю на горький зеленый напиток, смешанный ими в мою честь. А затем на стопку книг, среди корешков которых прячется его имя.

– Мы никогда не трахались, если вы об этом, – шепотом произношу я.

– Что-что?

– Ничего, – я опускаю взгляд на колени. В голове – зияющая пустота. – Я правда не знаю, что вам рассказать. Простите.

– Ну *что-то* такое все-таки нужно, Саманта. Таковы правила.

Правила? Но вы сами не рассказали «ничего такого»!

Я смотрю на Герцогиню. Она печально кивает, мол, ничего не попишешь, правила есть правила. *Их нельзя нарушать даже тем, кто их придумал.*

– Может, я просто прочту стихотворение, или отрывок из какой-нибудь книжки? – предлагаю я, кивая на стопку.

Прямо как все вы, хочется добавить мне, но я молчу. Они тоже. Виньетка живописно зевает. Кексик вежливо покашливает в кулачок. Я наблюдаю за тем, как они демонстративно убирают несуществующие соринки со своей одежды и потягивают лазурную муть, избегая моего взгляда.

Я хочу все объяснить. Рассказать, что какое бы там впечатление ни произвели на них мои «таинственные грязные делишки» с Авой или Львом и все мои «извращенские» рассказы, оно в любом случае было ошибочным. Нет у меня никакой другой жизни. *Если бы вы только знали, каким пустым и бессмысленным был мой прошлый семестр.*

Наверное, мне лучше уйти.

Но вместо этого я говорю:

– Я могла бы рассказать вам о том, как я умирала с Робом Валенсией.

Все взгляды тут же обращаются на меня. *Давай.*

Я делаю глубокий вдох, а затем – хороший глоток «Саманты». Снова морщусь от горечи, но на сей раз пьется почему-то легче. Приятнее. Даже сладкая нотка вроде как появилась.

– Роб Валенсия – это парень из моей школы, – начинаю я. – Он был на пару лет старше меня. И мне казалось, что он самый красивый мужчина в мире.

Пока что я говорю чистую правду.

– На кого он был похож? – подсказывает мне Кексик.

Я вспоминаю Роба Валенсию. Он был таким высоким и плечистым, что иногда мне казалось, будто школьные коридоры для него тесноваты. Небольшие темные глаза, похожие на ускользящий дым или кипящую смолу. Вьющиеся каштановые волосы и ранние залысины. Я вспоминаю улыбку, в которую складывались его бледные тонкие губы. При виде нее у меня каждый раз дыхание перехватывало от желания.

– На Зевса, – наконец говорю я.

– Греческого бога?

Я киваю.

– Но... семнадцатилетнего. А еще он очень любил винтажные костюмы. И харизма из него прямо-таки... сочилась.

Они все склоняются вперед.

– А что в нем было особенно горячим, Саманта?

– Особенно? – повторяю я.

Они выжидательно смотрят.

– Не думаю, что конкретно что-то одно. Все было немного... сложнее, понимаете? В нем был какой-то... животный магнетизм.

Теперь они все смотрят на меня широко раскрытыми глазами, как маленькие девочки.

Ну же, скажи нам, Саманта.

Я рассказываю им, что он был испанским католиком старой школы и что его семья резала коз на заднем дворе их дома. От него всегда пахло чем-то библейским. Благовониями и жареной плотью.

– Горячо, – замечает Виньетка.

– А еще у него был такой голос, – продолжаю я. – Глубокий, невозмутимый, всезнающий, как у рассказчика из документального фильма. Казалось, он в любой момент начнет рассказывать что-нибудь интересное о пингвинах или о войне. Такому голосу сразу же веришь на слово. Мне нравилось его слушать. Это успокаивало. Но и... возбуждало. Всякий раз, когда он говорил «Привет», мне казалось, что кто-то проводит языком по внутренней поверхности моего бедра.

Они ловят каждое мое слово. Не упускают ни звука.

– Но самым лучшим, самым сексуальным было... – я делаю паузу и отпиваю глоток из стакана. – Умирать вместе с ним.

– Расскажи нам, Саманта!

Я рассказываю им, что довольно долго любила его издалека. А потом получила роль его жены в школьной постановке. Это был детектив с кровавым убийством, и по сюжету нас обоих убивало разрядом тока в третьем акте. В той сцене он должен был воткнуть вилку в розетку.

Мы держались за руки. И как только он это делал, нас прошивал разряд, и мы падали на пол, содрогаясь в конвульсиях.

– Ох, как горячо! – стонет Виньетка.

Я рассказываю им, как мы умирали снова и снова. Каждый понедельник и среду по вечерам, целых три месяца мы извивались и содрогались в объятиях друг друга. Как после неподвижно лежали, окутанные тьмой, пока остальные действующие лица кричали и обвиняли друг друга в нашей смерти, и только потом, погодя, поднимались. Как я ненавидела тот миг, когда нам нужно было вставать.

– Ну еще бы, – хихикают они.

Кроме Герцогини. Она одна ничего не говорит. Лишь потягивает коктейль и смотрит в никуда.

Я пытаюсь описать им, как это было эротично – лежать рядом с ним на открытой сцене, чувствовать, как он пытается сохранять неподвижность, в то время как его грудь часто вздымается, а тяжелое дыхание опалает мое лицо, примешиваясь к аромату жареного мяса и ладана. Иногда мы падали, сплетаясь в объятиях. Иногда в паре футов друг от друга. Он лежал совсем рядом – и в то же время невыносимо далеко. И в том, и в том случае это было очень эротично.

– Это было похоже на секс, – говорю я, касаясь губами своего коктейля. – Но напряженнее, понимаете? В трансцендентном смысле.

Кексик и Жуткая Кукла кивают. *Да. Ну разумеется. В трансцендентном. Очень трансцендентном.*

– Так значит, по-настоящему вы ни разу сексом не занимались? – спрашивает Виньетка.

Я поднимаю взгляд на Герцогиню. Она смотрит на меня, взмахивая ресницами. Ее прекрасные, темно-голубые глаза, конечно же, видят меня насквозь. *Эта история не такая уж и интересная, и слишком мрачная, верно, Саманта? Все это грустно и даже жалко, не так ли?* Неуклюжая сексуальная фантазия девственницы в мягком переплете. Хрупкий воздушный замок.

Я никогда не занималась сексом с Робом. Я его совершенно не привлекала, о любви и говорить не приходится, пусть ростом мы идеально подходили друг другу. Хоть я и знала, что он видит мою душу, скрытую под побитой прыщами кожей и жиденькими волосами. Хоть мы и любили одинаковую музыку и книги – он тоже читал «Ад» Данте при свете свечей, – я была уверена, что не интересна ему как женщина. Хоть и знала, что ему известно о том, какой глубокий и интересный во мне скрывается мир. Однажды, правда, он потанцевал со мной из жалости под музыку «Раб любви» на вечеринке нашей театральной труппы. Но на этом все. Он был влюблен в Алису Фишер, которая в этой постановке играла Véronique – Веронику, его любовницу из Франции. И пригласил ее на выпускной. А потом махал мне с танцпола. *Привет, Саманта!*

Но кто захочет слушать такую историю?

Я обвожу взглядом сидящих вокруг меня девушек. Их кожа как будто немного светится в темноте. Они все смотрят на меня с мечтательным ожиданием, и – неужели – восхищением? Все, кроме Герцогини. На секунду мне показалось, что она видит, как я брожу вокруг танцпола в дешевеньком платье с принтом огнедышащего дракона и наблюдаю за тем, как Роб и Алиса кружатся в медленном танце под песню, которая мне все равно не понравилась бы. По крайней мере, в этом я пыталась себя убедить в тот миг. Как я мечтаю превратиться в Кэрри²² и обрушить на тот дурацкий зал всю мощь моей детской ярости и презрения, и утешить этим свое разбитое сердце.

---

²² Саманта вспоминает сцену из фильма «Кэрри» (1976) по одноименному роману (1974) Стивена Кинга (род. 1947), где главная героиня устроила резню на выпускном. – *Примеч. ред.*

Поэтому вместо этого я рассказываю им о том, как в ночь последнего спектакля, умерев рядом со мной в который раз, он дождался, пока упадет занавес и погаснут лампы, взял меня за руку во мраке и отвел в пролесок за школой. И там, среди голых ветвей трепещущих осин, Роб Валенсия набросился на меня как зверь. Я описываю им, как похрустывали тонкие веточки под моей спиной, как шуршал ковер из разноцветных листьев. Как я тонула в сером небе, что раскидывалось у меня над головой, пока он творил чудеса своим языком. Как зарывалась пальцами в сырую землю и комкала ее, извиваясь в оргазме. Какой глубины связь мы обрели на телесном, духовном и интеллектуальном уровне в том лесу, после того как умирали бок о бок несколько месяцев. Хотя после ни разу более не заговаривали друг с другом. Совместная смерть с Робом была очень похожа на секс. А секс оказался похож на смерть. Настоящую. И потом мы...

– Что? – нетерпеливо выдыхает Кексик.

– Словами это не описать, – говорю я.

Молчание.

– Горячо, – говорит Виньетка, наконец, салютуя мне бокалом.

– Очень горячо! – добавляет Кексик.

– *Очень!* – поддерживает Жуткая Кукла.

Я улыбаюсь. Да. Горячо вышло, не так ли? Я чувствую прилив постыдной гордости. Им понравилась моя история. А мне нравится то, что она им понравилась. Я краснею и отпиваю еще немного «себя». Теперь уже совсем не горчит. Теперь коктейль кажется мне идеальным.

– И в то же время это все немного... печально, Саманта, – молвит Герцогиня, глядя на меня, чуть склонив голову набок. Ее лицо, до этого раздражающе спокойное и нейтральное, вдруг наполняется жизнью, тепло и участие растекаются по нему, как аллергическая сыпь. – Ведь он разбил тебе сердце, не так ли?

Я киваю. Моя губа оживает в ответ и опять начинает дрожать.

– Все в порядке, Саманта.

Мои глаза наливаются слезами. По-настоящему. Герцогиня накрывает мою ладонь и мягко сжимает:

– Давай нальем тебе еще выпить.

6

Я просыпаюсь, лежа лицом в матрас, все еще в одежде с прошлого вечера. На мне – красный плащ. Я вся пропахла ароматом корицы и жженого сахара вперемешку с лимоном, пропиталась нежностью и сладостью до самых костей, и этот запах висит вокруг меня в застоявшемся воздухе моей комнаты.

Не помню, как я вернулась сюда. Помню свет фар. Подергивающийся розовый нос. Длинные коричнево-серые уши. Черный влажный блеск животных глаз. Как девушка с лицом кролика подливает небесного цвета коктейль в бокал размером с мою голову. *Это для тебя, Саманта*, говорила девушка-кролик. *Спасибо*, говорила я. *Спасибо вам всем*. Я пила и пила, без остановки. А потом сказала им... Что же я им сказала? Все, что я помню, – как они кивают. И улыбаются. *Да. Расскажи нам, Саманта!*

Сколько же я нагородила в итоге? Наверное, немало.

Мама всегда спрашивала: *Почему ты постоянно все выдумываешь? Даже о незначительной ерунде?*

Не знаю, обычно отвечала я. Наверное, потому, что выдумывать – это просто. И немного подправленная история всегда выглядит лучше.

Я разглядываю трещину на потолке. Влажные пятна, похожие на ощерившиеся пасти зверей, как будто расплзлись еще больше с тех пор, как я была здесь в последний раз. В плафон набилось еще больше моли, и дохлых насекомых там теперь столько, что свет не просачивается. Башни из книг у стены потихоньку разваливаются, какая-то быстрее, какая-то еще держится. Тонкие стены цвета мочи отделяют меня от жирдяя-извращуги с одной стороны и девчонки с землистым лицом с другой. Они как будто сдвинулись, и комната стала еще меньше. Черные виниловые шторы уже были здесь, когда я въехала. Похоже, предыдущий владелец несколько раз рвал их. Они раздвинуты, открывая вид на потрескавшуюся кирпичную стену.

Я не была у себя дома с тех пор, как встретила Аву. Не стоит тебе жить здесь, сказала она, стоя в моей единственной комнатке, слишком высокая для местных потолков. Эта комната ее угнетала. Она была для нее маленькой и тесной. *Я не хочу даже думать, что ты здесь живешь*.

Но ведь здесь все не так плохо, сказала ей я. Эта квартира намного лучше, чем мое первое жилье – комнатка голубыми стенами в подвале, обоссанном кошками, которую сдавал мне неуравновешенный голландец, говоривший, что преподает в Уоррене, а на самом деле он был малость озабоченным философом, отчаянно ищущим податливую ученицу и последовательницу. Лучше, чем моя машина, в которой я вынуждена была жить после того, как голландец не вернул мне залог, когда выяснилось, что я совершенно «необучаема», и мне пришлось ждать октября, пока не дали стипендию. Лучше, чем угол в общежитии, где меня приютили ненадолго после того, как один из преподавателей увидел, что я сплю в машине. Когда я поймала его взгляд сквозь перепачканное мертвыми букашками лобовое стекло, трижды пожалела, что решила припарковаться именно на той улице, с бархатными зелеными лужайками. Такое чувство, что там даже собаки гадили деньгами.

Спустя всего несколько недель жизни в абсурдно-роскошном общежитии, похожем на тюрьму, я решила продать свою машину и нашла эту комнатку. Эта однушка на западной стороне, как по мне, была вполне нормальной, хотя и не прошла тест на декорации для самоубийства. Могу ли я представить себе, как стреляю в этих стенах себе в рот? Да, вполне. Как вешаюсь на этом плафоне? Да, легко. Иногда по ночам я прямо видела свисающую с него петлю. Но потом поняла, что парочка постеров в нужных местах смогут заглушить эхо моего предсмертного хрипа, который иногда проносился у меня в голове, когда я заходила в эту тесную клетку с кухонным уголком. Я пыталась успокоить себя, что, быть может, именно в этих стенах на свет родится мой шедевр. Ну или, по крайней мере, здесь я смогу выйти на ведущую к нему

дорожку, следуя советам с постеров «Думай о важном» и «Не бойся мечтать». Но ничего из перечисленного в этой квартирке я не делала. Все, чем я тут занималась, – погружалась в уныние. Считала трупики моли в плафоне. Думала о деньгах.

На самом деле все не так уж плохо, сказала я Аве. Это – единственное место, где я могу жить одна, без соседей. Я не могу работать, когда над душой кто-то стоит.

Но она меня не слушала и уже собирала мои вещи. *Ты едешь со мной – домой.*

Теперь здесь почти пусто, если не считать книг и трухлявого соснового стола, который я нашла на помойке и за которым все равно никогда не работала. Ну и матрас, конечно, на котором я лежу прямо сейчас, укрытая красным плащом. В кулаке у меня зажат колючий цветок. *Вот, держи, сказала Герцогиня, достав его из своих серебристых волос. Это тебе, Саманта. У меня в ушах до сих пор звучит их сочувственное сюсюканье. Я чувствую на щеках следы их пальцев, вытирающих мои слезы. Стоп, а почему я плакала? Что я им рассказала? Я чувствую, как их маленькие ладошки поглаживают меня по коленям, плечам, рукам. Расскажи нам еще что-нибудь, Саманта. Еще одну историю. Ах, как эротично! Как грубо! Как гениально!*

Тогда-то я и замечаю его на карнизе за окном. Он смотрит в комнату, прямо на меня, ну или, по крайней мере, мне так кажется. Подергивает носиком. Черные глазки-бусинки блестят за мутным стеклом. Уши висят по бокам головы, точно косички у маленькой девочки.

Я визжу до тех пор, пока соседка не начинает барабанить кулаком по стене.

Все события прошлой ночи разом возвращаются ко мне. Я вспоминаю, как рассказала им о Робе Валенсии. Как мы еще выпили. И еще. В какой-то момент комната начала плыть у меня перед глазами, а пастельного цвета мебель – менять форму. Тени заек на стенах вытянулись. Их волосы засияли ярче и стали как будто длиннее. Глаза покраснели. Я перестала понимать, чья розовая лапка обнимает меня, чей влажный ротик воркует, чьи пальцы гладят меня по голове. А потом голос – мягкий, как кроличья шерстка, – щекотнул меня, и губы, покрытые блеском, шепнули мне прямо на ухо:

Иди на улицу и принеси нам лапушку-кролика.

Я помню, как смотрела на них, сидевших на равном расстоянии от меня. Их рты были сомкнуты, плотно, точно маленькие кошечки.

Что?

Ты же слышала нас, сказала Герцогиня.

Это совсем не трудно, Саманта.

Правда, очень легко.

Их по кампусу бегают сотни, никогда не замечала?

Но зачем?

Считай, это твое Действие, сказала Виньетка.

Мы всегда делаем что-то такое под конец Посиделок, добавляет Кексик.

Я не могла понять, шутят они или нет. Они шутили?

Мы никогда не шутим о кроликах, Зайка.

Зайка. Они только что назвали меня зайкой?

Да, Зайка.

Смутно припоминаю, как слабо протестовала насчет того, что уже темно и поздно, что опасно выходить на улицу в такое время суток. Еще более слабо и сбивчиво приводила какие-то доводы, пересказывала ужасные новости о том, как девушку изнасиловали на территории кампуса прямо по пути в общежитие или как парня вот прямо вчера ударили дубинкой по голове, когда он возвращался из лаборатории. А еще эти слухи о том, как кому-то отрезали голову, прямо всерьез, об этом-то они слышали?

Но мы же не просим тебя идти в лабораторию, Саманта. Достаточно просто выйти за дверь.

Хотя, знаешь, забудь, вмешалась Герцогиня. Все нормально. Уже и правда поздно. Ты права, тебе, наверное, пора домой.

Нет, подождите, сказала я.

Припоминаю, как, пьяно спотыкаясь, бродила кругами по влажной лужайке перед домом в красном плаще Жуткой Куклы. Как они наблюдали за мной из окна верхнего этажа. Не знаю, как долго это продолжалось.

Но вот как я попала домой, не помню в упор. Я пришла пешком? Или приехала на автобусе? Воспоминания возвращаются ко мне обрывками, вспышками. Вот я жду автобус на опрятной красивой улице, разглядываю сверкающий чистотой тротуар. Вздрагиваю от каждого звука – мне кажется, что это взмах мачете местного маньяка. Готовлюсь крикнуть ему в последний момент: *У меня ни копейки! Я не одна из этих богачек, вовсе нет! Не стоит судить обо мне по этому красному плащу, пусть он и мягкий, как тигриная шкура. У меня в карманах пусто!*

Тогда-то я и услышала шорох. Как будто кто-то ходит по опавшей листве. Чу! Хруст. Вижу, как на землю упала тень. Потом еще одна. И еще. Вот их уже четыре. Семь. Кто бы их ни отбрасывал, они явно спрятались в кустах.

Я зажмурилась и стала ждать, когда на меня обрушится неизбежное. Когда холодное лезвие ударит меня по шее. Только, пожалуйста, пусть это будет быстро. Мысленно я уже шла навстречу матери, ожидавшей меня у ворот рая, – вскоре мы с ней воссоединимся. Видела, как она качает головой: *Какая же ты дуручка. Ну зачем ты пошла гулять среди ночи. Неужели ради того, чтобы понравиться этим дурам? В таком случае ты это заслужила – что посеешь, то и пожнешь*, вот как она говорила в моем воображении. *Ну и да, вскоре увидимся. Здесь неплохо, знаешь ли. Всюду цветы всех оттенков сиреневого, ивы, приятная тень. Золотисто-зеленые листья шуршат на ветру. Здесь вечный медовый Август...* Странно, но при этом я слышу не ее голос, а Авы. Мне даже показалось, что я на миг увидела ее лицо. Но в итоге ничего страшного не случилось. Никто не ударил меня дубинкой по голове. Не перерезал горло ножом. Моей шеи касался разве что приятный ветерок. А потом мне на руки что-то прыгнуло. Маленькое, тяжелое и мягкое. Я опустила глаза и напоролась на внимательный взгляд черных блестящих глаз.

– Видите? – прошептали наверху.

Я подняла взгляд и увидела, как свет в окне мигнул и пропал. А когда снова посмотрела вниз, у меня в руках было пусто.

Так все и было? Неужели я видела то, что видела? Это же решительно невозможно. Я не могла ни слышать, ни видеть ничего подобного.

Нет, твердо заявляю я, глядя на кролика, сидящего на моем подоконнике. Этого просто не может быть. Это невозможно.

Он в ответ разворачивается и спрыгивает, оставив вид на голую кирпичную стену и мрачное утреннее небо, лежащее над Новой Англией. Туман в моем сознании постепенно рассеивается. Ава. Я хватаю свой телефон и проверяю сообщения.

От нее ничего. Зато я вижу сообщение от Жуткой Куклы с кучей смайликов в виде тролля, тюльпанчика и призрака со вскинутыми руками. И еще одно с неизвестного номера:

«Ты добралась до дома, милая?»

И еще с одного:

«Увидимся завтра на занятиях☺».

Занятия. Первая Мастерская в семестре. По пути нужно будет зайти в монстро-быстро. Туда, куда мы с Авой всегда заглядываем по утрам. Она пьет там свой зеленый чай со специями и рисует что-то из зомби-апокалипсиса. Небо, перечеркнутое молниями. Солнце, ощерившее на мир клыки. На ее рисунках все четче проступают университетские девицы, каждая из них обрастает под ее рукой клыками, жабрами и перепончатыми крыльями. Мальчики из студен-

ческих братств сгорают на костре. Пока она рисует, я разглядываю мир в окно. Иногда пишу. Иногда просто смотрю.

7

Я так давно не ходила в университет из своей старой квартиры, что уже и не помню, какой дорогой нужно идти. В итоге теряюсь. И Авы нигде не видно. Под ногами похрустывают опавшие листья, воздух наполнен ворчанием недовольных утренних прохожих. Тут так красиво. Трудно поверить, что этот город населяют в основном безумцы, отчаявшиеся и одинокие. Жестокость и злоба выплескиваются на эти улицы чуть ли не каждый день. Изнасилования, избиения, нападения с ножом, перестрелки – здесь это такая же обычная вещь, как розовое шампанское, которое здесь подают даже в забегаловках. Слухов о жутких обезглавленных телах все больше. Бывает, видишь, как по перечеркнутой косыми лучами осеннего солнца улице вышагивает с иголки одетый, респектабельный джентльмен, и думаешь – да ну, это все какой-то бред, люди ошибаются насчет этого городка. Вовсе он не безумный и не жестокий. С ним все в порядке, все как надо. Это настоящие прибежище для тех, кто любит долгие ленивые прогулки под нежарким, приветливым солнцем. Этот город – жест божественной доброй воли, элегантный подарок земле. А затем вдруг налетает ветерок и полы пальто респектабельного джентльмена распахиваются, как крылья летучей мыши. Подойдя чуть ближе, ты вдруг замечаешь, что он разговаривает сам с собой. И не просто разговаривает. Он ругается. Лицо у него красное, искаженное гневом. Шея покрыта пульсирующими венами, раздутыми от яростно бурлящей крови. И вот тогда-то твой взгляд и начинает подмечать все эти маленькие подробности: паутину, стянувшую разбитые стекла в магазинах, трещины на лобовых стеклах, разорванные пустые сумочки на тротуарах. Ты видишь все это и думаешь про себя: ну да, все верно, я все еще в Тухлоквариуме. На землях Ктулху.

Я в очередной раз спешу к зданию, которое опять оказывается не моим университетом, путаюсь и блуждаю снова и снова, пока наконец заплесневелые пустые витрины магазинчиков не сменяются веганскими барами и парикмахерскими для собак. Тогда-то я вижу блеск знакомых окон. Вижу башни на верхних этажах, из которых мы с Авой порой высывались, точно две горгульи. Улица резко перестает напоминать декорации из фильма про зомби, превратившись в локацию какого-то французского кино пятидесятых.

* * *

Мастерская проходит в месте, которое все называют Пещерой, но на деле это всего лишь тесное помещение любительского театра на цокольном этаже факультета повествовательных искусств. Тут темно, сидишь как в коробке. Ни дверей, ни окон, ни, разумеется, часов. Только темные влажные стены, навевающие ассоциации с материнской утробой. Я захожу последней, тихо выдыхая извинения. Аву я так и не нашла и завтракала в одиночестве, если не считать краснолицего мужика, который сидел в углу и злобно шипел ругательства в свою тарелку.

Увидев меня, зайки цепляют улыбки – вежливо, как библиотечарши, после чего возвращаются к своим делам. У них похмелья явно нет. Совсем. Как обычно сидят кучкой по одну сторону квадратного островка из столов, предоставив остальные три четверти мне. При виде этой картины мое сердце проваливается. Хотя чего я ожидала? Что они вскочат и дружно бросятся меня обнимать?

Сердце сжимает холодная лапа. Оно колотится, как у колибри.

Я вопросительно смотрю на них, но они на меня нет. Они задумчиво моргают, глядя сквозь дизайнерские очки на нашу преподавательницу, Урсуну, которую между собой окрестили ПереПере, потому что эта женщина очень нервная и переживательная. Я же зову ее

Фоско в честь злодейки из готического романа «Женщина в белом»²³. Не знаю почему. Может, все дело в том, что она всегда очень серьезная, голос у нее холодный, как туман, руки длинные, белые и очень подвижные, а фиалковые глаза иногда подергиваются. Типичный портрет злобной ведьмы, которая держит в подвале закованных в цепи несчастных девушек и человеческую печень в холодильнике, сюсюкает с ручной крысой и смотрит оперу из зарезервированной ложи, где чванно хлопает из глубокой тени. *Бог мой, да, реально ты права*, сказала Ава, когда впервые ее увидела. *Бо-оже!*

– Саманта, – молвит Фоско глубоким голосом, когда за мной гулко закрылись двойные двери. – Я так рада, что ты смогла к нам присоединиться.

Сопровождаемая их взглядами, я подхожу к столам. Они сидят кружком так, словно играют в настольную игру. Фоско называет это «герменевтическим кругом», или же «безопасной территорией», где смело можно обнажить друг перед другом душу, воплотив ее в словесном искусстве. Разбудить в себе словесного алхимика и предаться Творению. *В котором наше произведение воплотится в Телесном аспекте, а Телесный аспект воплотится в произведении.* Что бы это ни значило. Я в Уоррене уже год, но до сих пор не понимаю. Этот факультет широко известен своим экспериментальным подходом к творчеству. Взять хотя бы то, что в Пещере нет ни окон, ни часов. Потому что не можем и не будем рабами пространственно-временного континуума, который еще иногда называют «сюжетом». Но за опоздание она меня все равно упрекает.

– Мы переживали, – говорит Фоско, постукивая себя по запястью, словно по циферблату часов.

Это вечно ставит меня в тупик, когда она говорит «мы»: она имеет в виду монаршьё «мы», как «Мы – Король Франции», или говорит про себя и заек.

– Переживали? – переспрашиваю я.

– Что с тобой что-то случилось. Верно? – она оглядывается на заек.

Те согласно кивают, обратив на Фоско свои гладкие лица и глядя на нее с благоговением, словно за стол снизошла богиня. Фоско вела у нас Мастерскую весной. И хоть начиная с осени мы снова должны были работать со Львом, зайки добились, чтобы нам вернули ПереПере. *Потому что она дает нам намного больше. А еще она похожа на милую заботливую птичку! Перепелку! ПереПере!*

Да, ПереПере, кивают они. *Переживали. Очень. Ох, мы прямо испереживались.*

– Простите. Я просто...

– Заблудилась? – подсказывает Жуткая Кукла.

Ее взгляд ничего не выдает, но губки скалываются в легкий бантик. *А ведь это я набросила на твои плечи красный плащ, когда ты заходила пьяными рыданиями. Помнишь?*

– Заблудилась, – повторяет Фоско, и ее глубокий голос резонирует в стенах Пещеры, как в театре, неуловимо подчеркивая то, какое это подходящее слово. – А может, ты заблудилась и в более широком смысле, Саманта?

Она улыбается мне бледно-розовыми губами. Ее молчание заполняет герметичное помещение, как углекислый газ. Я знаю, что некоторые поступают в Уоррен исключительно ради Фоско – подышать с ней одним воздухом, пропитаться ее флюидами. Сумасшедшие поклонницы, набившие ее имя у себя на запястьях, копчиках и острых, торчащих лопатках. Крепко прижимающие к груди ее экспериментальные романы, точно ведьмы – гримуар, зачитывающие отрывки оттуда пылко, точно молитвы или заклинания. *Ведь она исполнена такого мистицизма, такой глубокой материнской энергии и жизненной мудрости.* И надо же, я – не одна из них. Потому что, когда я наблюдаю за Фоско, похожей в своем газовом одеянии на жрицу-хиппи, смотрю, слушаю, как она своими розовыми губами зачитывает отрывки из книг, кото-

²³ «Женщина в белом» (1860) – неоготический детектив английского писателя Уилки Коллинза (1824–1889). – *Примеч. ред.*

рые, я уверена, видит впервые в жизни, и сопровождает все это запутанными комментариями, довольно гинекологическими образами и полными смысла «беременными» паузами, я понимаю, что мне никогда не стать одной из этих девочек.

Но даже я не до конца выработала в себе иммунитет против ее фанатичного взгляда, которым она сверлит меня прямо сейчас. Словно хочет внушить мне мысль о том, что я абсолютно безнадежна.

– Простите, – я чувствую, как мои щеки заливаются румянцем.

– Это здание и правда как лабиринт, – внезапно говорит Кексик, не глядя на меня.

Я поднимаю взгляд и вижу, как она рассеяно бегаёт пальчиками по своему жемчужному ожерелью. Белокурый боб блестит в свете ламп. Сегодня на ней платье с узором из зеленой травы и зеленый же кардиган в тон. Я вспоминаю, как она страстно обдирает палочку корицы, склонив голову набок, как вздувались вены на ее шейке, украшенной жемчугами, а рот приоткрывался в экстазе. У меня сводит руки от спонтанного желания обнять ее, да такого сильного, что даже пальцы немного вздрагивают. Она еще никогда, ни разу за меня не вступалась!

– Я и сама до сих пор путаюсь в студгородке, – вставляет Жуткая Кукла. – Прямо постоянно!

– Серьезно, Кира? – спрашивает у нее ПереПере. – *Постоянно?*

– Ну, определенно время от времени. Один раз точно было, – говорит она, глядя на меня.

Привет, Зайка.

Я улыбаюсь ей, исполненная благодарности, но она быстро отворачивается. И только в этот момент до меня доходит, что я подошла к своему привычному месту на противоположной стороне стола. Ноги сами принесли. Я колеблюсь, положив ладонь на спинку стула. Может, мне стоит сесть поближе к ним? Может, они этого ждут? Так, может, мне перейти к ним? Я осторожно поднимаю взгляд, но они внимают ПереПере.

– Все в порядке, Саманта?

– Да. Все хорошо. Конечно. Извините.

Я занимаю свое обычное место. Фоско возвращается к монологу о том, что это – самый важный семестр. Предпоследний в университете. Последний в Мастерской. Последний, когда у нас будет возможность Копнуть Глубоко. Задать самим себе все самые страшные и важные вопросы. Целиком погрузиться в алхимический акт Творения, прежде чем мы шагнем в чащу последнего семестра и будем писать самостоятельно. Как и в прошлом году, она щедро украсила свою речь всякими детородными метафорами, которые я едва слышала сквозь густой туман похмелья и смутный – волнения. Пока Фоско говорит, ее той-терьерчик в свитере тявкает на ее ноги и носится вокруг нас кругами, как дурак. В прошлом семестре она приносила его на каждое занятие. И перед началом зайки дружно умилялись ему добрых пятнадцать минут, в течение которых я сидела на своем месте и, закрывая книгой лицо, притворялась, что читаю какой-то очередной невразумительный экспериментальный текст, который задала нам Фоско. Правда, я даже не вникала в суть и снова и снова перечитывала одно и то же предложение, пока они без конца восклицали: «*Какой милашка! Нет, ну какой милашка! Ути бозе, ТАКОЙ милашка!*» Напоминала себе о том, какие огромные возможности дает учеба в этом университете. О том, что этот факультет открывает много дверей. Прямо очень много дверей, не так ли? Напоминала, что я поступила сюда, потому что здесь самая большая стипендия и больше времени для творчества, а я отчаянно нуждаюсь и в том, и в другом. Ни того, ни другого у меня не было, когда я работала продавщицей в книжном магазине, официанткой, офисным планктоном, снова официанткой – только такую работу я, видимо, и могла получить со своим тогдашним образованием.

Бедная Золушка, говорит Ава всякий раз, когда я рассказываю ей об этом. *А где мышей своих растеряла? Попу от золы отряхни.*

Но я и правда нуждалась...

Ты хотела большего, обычно поправляет меня Ава. Нужда, рыба моя, это совсем из другой оперы. Да и непохоже, чтобы ты за прошлый год накатала целый трехтомник, знаешь ли. Что ж, это правда: до того, как я поступила сюда, писала я намного больше и чаще. Каждый вечер, придя после очередной не интересной мне работы, я впадала в ночную писательскую лихорадку и писала на всем, что попадало под руку. А вот с тех пор, как я переступила этот порог, поток несколько иссяк. Прошлой осенью я написала ради Льва несколько сбивчивых рассказов, пока он сам согревал меня своим светом. Но с тех пор? Парочка не до конца сформировавшихся идей, несколько рассказов – по большей части даже не рассказов, а так, фрагментов, обрывков, коротких фраз. А еще я очень часто рисовала глаза. Все они смотрели прямо на меня.

Говорю тебе, это место ломает твою душу.

Но откуда мне было знать, что это случится? Я не могла упустить такую возможность. Поступать в Уоррен, или не поступать! Черт возьми, да тут и думать нечего, это же Уоррен. Высокий уровень экспериментального подхода, требования к языку, все это, конечно, раздражает, но определенно стоит того.

«Точно стоит?» – всегда переспрашивает Ава.

Наконец, мы приступаем к обсуждению рассказов, которые Фоско попросила нас написать этим летом. Тему нужно было *выносить*, вытащив из пепла талисман или карту из колоды таро, и размышлять над их смыслом, блуждая спиной вперед по перекрестку.

И ты еще удивляешься, почему у тебя творческий ступор, Хмурая?

Первой читала Виньетка: она написала серию виньеток без знаков препинания о женщине по имени Z, которая блюет супом, предаваясь нигилистическим размышлениям. А потом занимается анальным сексом в трейлере. Терпеть не могу творчество Виньетки. Это и не тексты даже, а нудные словесные головоломки, слишком скучные и раздражающие, чтобы попытаться вникнуть в них и разобраться. Каждый абзац – как лицо, которое одновременно и ухмыляется, и хмурится, – настоящий уроборос²⁴. Кроме того, это ее творчество порождает целую кучу вопросов: когда это она жила в трейлере? Может, когда путешествовала из Интерлокхена в Барнард?²⁵

Богатые девочки играют в нищенок, скривила бы губы Ава. Фальшивая белая гольфьба в обертке из дорогого диплома. Гаже человека и не придумает. На творческих факультетах таких пруд пруди.

Фоско слушает Виньетку с выражением, с которым слушает всех девочек в Мастерской, кроме меня. Словно все они – ее суетливые, гениальные, но самую чуточку, вот совсем немного, отсталые дети. Дали себе пяткой по лбу, рождаясь на свет. Бедняжки. Но даже их путь она готова озарить светом своего волшебного светильника в виде чуть-чуть заинтриговано приподнятой брови. *Итак, обычно говорит она под конец, и что мы об этом думаем? Какие у нас это вызывает мысли?*

– Я в восторге от супа, – говорит Кексик таким голосом, словно она и правда в восторге.

Я чувствую, как желание заключить ее в объятия высасывает в коридор, как туман.

– Как и я, Кэролайн, – говорит Фоско. – Как и я.

Она опускает взгляд на страницы.

– Мне кажется, я бы хотела больше верить в происходящее, – говорит Герцогиня встревожено, словно речь идет о болезни и лечение ее не устраивает. – Хотя, должна сказать тебе, Виктория, мне всегда интересно наблюдать за тем, как ты вплетаешь в повествование телесный аспект.

²⁴ Уроборос – свернувшийся в кольцо змей или дракон, кусающий себя за хвост.

²⁵ Интерлокхен – школа искусств в Интерлокхене, штат Мичиган. Барнард – частный женский гуманитарный колледж в Нью-Йорке на Манхэттене.

По комнате прокатывается одобрителный ропот. Все кивают. *О да, верно, совершенно, я согласна, так интересно.*

Я записываю в блокнот – 1908. Вот столько раз я слышала в Уоррене слова «телесный аспект». У них здесь просто пунктик на этой теме. Как будто обитатели этого академического мирка вот только что обнаружили, прямо-таки вчера осознали, что живут в хрупком, быстро разрушающемся вместилище из костей и плоти и черт его знает из чего еще. Вот это открытие! Какой простор для тем и сюжетов! Я до сих пор не до конца понимаю, почему они всегда пишут и говорят это с большой буквы, но обычно просто киваю, и все. Ах да, Телесное, ну конечно. Кстати, я веду учет и других слов: например, «Пространство», «Стремление» и «Воплощение».

– Я оценила неопределенность, к которой стремится текст, – говорит Жуткая Кукла. – Но мне кажется, можно было еще немного углубиться в пространство сновидений. Очень интересно наблюдать за тем, как она восстанавливает по кусочкам и воплощает травмирующий для героини момент.

Я смотрю на Виньетку и вижу, что она и правда записывает все их замечания. Словно это капец какая важная и полезная информация. Ее каштановые волосы лежат на одном плече. В облаке дурмана даже здесь. Пока она пишет, Кексик легонько похлопывает ее по плечу. *Люблю тебя, Зайка.*

– А ты что думаешь, Саманта? – спрашивает меня Фоско.

Я думаю, что это кусочек претенциозного кала. Что мне он ни о чем не сказал и ничего нового не раскрыл. Что я ни черта не поняла, и никто никогда не поймет. Что быть писателем, который пишет такие непонятные тексты, – это привилегия, которую я не могу себе позволить. Что я не могу поверить, что ее учебу здесь кто-то согласился оплатить. Что она должна извиниться перед деревьями. Пойти в лес, встать на колени и целый день вымаливать прощение у осин, дубов и всех остальных бедолаг, чья бумага пошла на это дерьмо. Умолять их со слезами в своих томных глазах и повторять: *«Мать вашу, как я виновата. Простите, что я решила, будто кому-то это будет интересно, ясен же пень, что все это бред. Теперь я поняла, кто я: на деле я просто убиваю деревья. Занудством».*

Но я не говорю всего этого. Я смотрю на Виньетку, Жуткую Куклу, Кексика и Герцогиню. А они смотрят в ответ со смущенными, выжидающими улыбками.

– Мне тоже хотелось бы побольше послушать про суп, – слышу я свой голос.

В конце концов, мы переходим и к моему тексту. Одному из последних рассказов, которые мне удалось завершить, прежде чем занавес упал и меня постиг творческий ступор. Под конец они довольно долго молчат. Фоско пялится на мою работу так, словно и не знает даже, с чего начать. Никакого тебе экспериментального подхода. Никаких персонажей, названных в честь букв. Никакого супотошнительного нигилизма. Да еще и сюжет есть, *прости господи.*

Я мысленно готовлюсь к их обычной критике.

Зло.

Жестоко.

Отстраненно.

Мрачно, но не в хорошем смысле?

Смешно, конечно, но немного слишком?

Именно. В смысле, а кроме насмешки тут что-то есть?

Но они все так же молчат, задумчиво перечитывая мой текст.

– Странно, – говорит наконец Кексик. – Должна признаться, когда я прочитала эту историю впервые, была совершенно сбита с толку, – она морщит нос так, словно мой рассказ слегка пахнет.

– Чуть подробнее, Кэролайн, – настаивает Фоско.

– Ну... поначалу, она показалась мне такой... злой.

– И очень сердитой, – добавляет Жуткая Кукла, не глядя на меня. – И резкой.

- Мрачной, но не в хорошем смысле, – добавляет Виньетка.
- Заикленной на своей инаковости.
- Именно. Она и правда поначалу держит читателя на расстоянии. Но теперь...
- Что теперь? – подбадривает Фоско.
- Даже не знаю. Прочитав ее второй раз, я поняла, что она мне даже нравится. Вся эта горечь, злость и юношеская резкость. Это... интригует.
- Она смотрит на меня с другого конца стола, склонив набок свою золотистую головку.
- Эта история куда более ранимая, чем я думала. В ней чувствуется... почти что отчаяние.
- И печаль, – добавляет Виньетка.
- Но в хорошем смысле, – подсказывает Жуткая Кукла.
- Я хочу сказать, мне кажется, она может раскрыться немного больше...
- Или даже намного!
- Ей определенно нужна... поддержка? – добавляет Виньетка, глядя на Герцогиню, которая пока что никак не высказалась.
- Думаю, все имеют в виду, что мы хотим *продолжения*, Саманта, – говорит та.
- Скрещивает руки и облачивается на мой рассказ, но смотрит не на меня, а на Фоско.
- Та кивает с материнским авторитетом.
- Может, стоит попытаться?

8

Ава. Я не видела ее всю неделю. Прихожу к ней домой: окна темные. Прохожу мимо закускойной: и там Авы нет. Иду в лабораторию, где она обычно сидит среди коробок сдохшими жуками, или в библиотеку на минус первом этаже, где она иногда раскладывает по полкам «настоящих мертвецов». *Потому что книги мертвы, сечешь, Хмурая? А кроме тебя сюда никто не приходит.* Я включаю свет и над проходами оживают гудящие лампы, но Авы нет, нет дыма ее сигарет, не слышно ее смеха, она не зачитывается чем-то среди высоких книжных башен. Я зову ее снова и снова, пока сидящий за одним из столов мужчина не поднимает голову и не спрашивает недовольно:

– Вам *помочь*?

Она не сидит на мусорном баке за общежитием для первокурсников, болтая ногами и ковыряясь в мусоре уорреновских студентов. Не бродит по анархичному книжному магазину, разглядывая новые поступления. Не сидит на крыше научного корпуса, словно глэм-рок-горгуля.

Я возвращаюсь к скамейке в парке у пруда, где мы с ней обычно встречаемся. Скамейка пуста. Поверхность пруда гладкая, как зеркало. Ветер шепчет в кронах, брызгая сквозь листья полуденным солнцем. Еще до Авы я частенько приходила сюда сама. Здесь я не чувствовала себя такой одинокой. Могла спокойно писать. Хотя я этого и не делала. Просто сидела рядом с нетронутым стаканчиком кофе и блокнотом на коленях с ручкой в вялой руке и наблюдала, как по мутной воде кружит одинокий лебедь.

Я могла сидеть так часами. Приходила сюда после занятий, с головой, звенящей от смеха заек. Ну или до, набраться мужества, чтобы выдержать все это. *Так, это уже просто смешно, просто встань и иди. Чего бояться-то?* Даже по выходным, убеждая себя, что мне просто нравится уединение и нужно немного побыть одной, когда не нужно ничего делать и никуда бежать, что это только на пользу работе. Мне ведь и правда очень нравилась тишина. Нравилось, что там никого нет. Кроме лебедя, разумеется, описывающего одинокие круги, ну или просто парящего на поверхности. А потом однажды утром, чудесным, прекрасным утром там оказалась Ава. Сидела на скамейке с таким видом, словно всегда там была. Спросила, есть ли у меня зажигалка. Оказалось, была.

Сегодня лебедя нет.

И Авы тоже нет.

Все, что я вижу, – это люди, которых она ненавидит. И золотистое солнце, которое она ненавидит еще больше, льющееся на здания, которые она мечтает поджечь.

И кроликов.

Так много, даже глазам не верится. И тем не менее. Возможно, они и раньше здесь были. Прыгали в зеленой травке. Перебегали мне дорогу и исчезали в густом кустарнике. Путались у меня под ногами на перепутанных тропинках кампуса, перекачивались, точно мягкие, тяжелые камешки. Когда я вижу одного из них, чувствую в животе странную смесь ужаса и волнения. Вспоминаю упоительно тяжелую и мягкую магию кроличьего тельца на своих руках. Как я пьяно вглядываюсь в его подрагивающую мордочку в форме сердца. Как свет на верхнем этаже включается, а затем выключается. Их тоненькие, мягкие, как его шерстка, голоса как будто до сих пор звучат у меня в ушах.

Видишь, как просто, Саманта? Мы же тебе говорили.

* * *

Они преследуют меня день за днем. Маленькие пушистыетени. Однажды днем я снова сижу на скамейке и пытаюсь сочинять, а когда поднимаю взгляд от блокнота, насчитываю одного, двух, четырех кроликов. Они окружают меня маленьким пушистым полукругом, точно жоака, готового толкнуть речь. Я даже рот невольно открываю, но затем снова захлопываю. Встаю и ухожу, быстрым шагом направляясь в сторону библиотеки. *И не ходите за мной! Окей?*

Уэс-андерсеновские²⁶ девочки провожают меня взглядом сквозь свои гигантские хипстерские очки. На них шелковые французские рубашки с мелким принтом. Они обмениваются одинаковыми понимающими ухмылками. Ну еще бы, взрослая женщина разговаривает с кроликами. Я вспоминаю, как один раз, по пути на занятия, видела, как какой-то мужик орал на дерево. *Что оно тебе сделало*, хотела спросить его я тогда. Но теперь не уверена, что это было бы честно.

– *Не ходите за мной!* – шиплю я на кроликов.

– Саманта? – ко мне подходит Иона – в привычной парке, с сигаретой в руке.

Отбрасывает с глаз пшеничные волосы и улыбается так, словно я – рождественское утро.

– Привет, Иона. Прости, что я...

– Ты действительно только что разговаривала с кроликами?

– Нет.

– А было бы круто. Я тоже иногда разговариваю с вещами, – кивает он так, точно надеется этим меня успокоить и ободрить. – А эти ребята реально на тебя пялятся. Это даже странно.

– Правда? – спрашиваю я, хотя и сама это вижу.

– Ага, еще как. Ничего себе. Никогда такого не видел. Они как будто хотят с тобой поговорить или еще чего. Тебя это не пугает?

– Нет, – вру я.

– Ну и правильно. Однажды на Аляске за мной от бара до дома увязался медведь. И в итоге я с ним заговорил. Мы много разговаривали. Он мне много чего рассказал. Наверное, понял, что я поэт, а ему как раз хотелось поделиться с кем-нибудь своей историей, чтобы о ней написали.

Мы снова смотрим на кроликов. А те смотрят на меня.

– Может, ты наполовину кролик, но не знаешь об этом, – улыбается он. – Слушай, не хочешь пойти выпить чего-нибудь? Я только с занятий. Могли бы сходить в бар, там классный эль.

– Я думала, ты не пьешь.

– Ага. Но я могу посмотреть, как пьешь ты. Мне даже нравится так делать.

Все это время я слежу за кроликами поверх его плеча. Блин, пялятся и пялятся!

– Прямо сейчас не могу, Иона, извини. Давай в другой раз, хорошо?

Я вскакиваю и бросаюсь прочь, и чуть не падаю, споткнувшись об очередную серую тушку, бросившуюся мне под ноги. Кролик убегает на дорогу. В этот же миг его переезжает машина. После чего кролик как ни в чем не бывало скачет дальше, а я визжу.

* * *

– Привет, Саманта, – говрят зайки всякий раз, когда мы пересекаемся в студгородке. И улыбаются при этом так, словно я – мальчик, которого они заприметили всей компанией, но

---

²⁶ *Андерсон, Уэс* (род. 1969) – американский режиссер, представитель независимого кино. В основе визуального стиля Андерсона лежит симметрия, центрирование, красочная палитра и высокая степень детализации.

пока не решили, влюбляться в него или нет. Машут мне с зеленой лужайки, где сидят все вместе на одном плече. *Здравствуй. Привет. Приветик. Бонжур, Саманта.* Иногда они пытаются завязать со мной разговор. Спрашивают, как прошла моя неделя. Крошечная улыбка Виньетки становится чуть шире. Кексик застенчиво предлагает мне кексик. Говорит, что ей нравится мое платье, хотя я и не ношу платья. Никогда. Но все равно, *спасибо, мне твое тоже.* Жуткая Кукла дарит мне острый и блестящий черный камень. *Для твоего творческого алтаря, Зайка. У тебя же есть алтарь, верно?* Никакого алтаря у меня нет, но я улыбаюсь, мол, да, конечно, есть, спасибо тебе большое за подарок. Во время занятий Герцогиня уже дважды протягивала ко мне руку и сжимала мое запястье. Произносила мое имя таким тоном, словно закутывала в шелковые объятия. О Непристойных посиделках они не вспоминают. Лишь раз кто-то из них сказал: *«Было очень круто, правда?»*

Да, говорю я. Было круто. И только произнеся вслух эти слова, я понимаю, что не лгу.

Это правда.

Было круто, повторяю я.

Мне хочется спросить у них – *вы правда просили меня поймать кролика? Кролик правда сам прыгнул мне на руки?* Мне хочется сказать им: *знаете, меня теперь всюду преследуют эти кролики.*

Надо бы повторить, говорит Жуткая Кукла. Застенчиво, словно приглашая меня на второе свидание.

9

Всю неделю после занятий я в одиночестве возвращаюсь в ту квартиру, которую Ава однажды окрестила непригодной для жизни. Подъезжаю запасы консервов, которых прошлой осенью накупила целую кучу в преддверии урагана, который в итоге прошелестел по городу легким дождиком. Пью из сувенирной кружки с водопадом моего родного города вино, стоявшее в холодильнике несколько месяцев. Жуткая кислятина, но меня это не останавливает.

Вы наверняка бывали на таком водопаде. Приезжали туда на час, полтора, может, на полдня. Ну максимум на полтора. Ставили машину на парковку, построенную специально для этого места, пусть там и нет ничего, кроме воды, и шли гулять. И вот вы уже стоите у перил и делаете семейное фото на фоне грохочущего позади водопада. Жалеете, что надели сегодня шорты. Наигранно улыбаетесь, пока ледяная вода орошает ваши ноги и руки. А может, и не наигранно, может, вполне искренне. Может, после этого вас даже хватит на лодочную прогулку под водопадом. Ну не прямо под ним, понятное дело, потому что эта ревущая масса воды вас прикончит, если вы попытаетесь под ней проплыть. И даже желтый дождевичок не спасет. Будь с вами я, сказала бы, что нет смысла его надевать, вы все равно промокнете до костей, да и вообще, эти лодочные прогулки полный отстой. Я в этот момент, скорее всего, где-то в центре Фоллинга, города, куда не приезжает никто, кроме его коренных жителей. Сажу в кабинете своего учителя и жду нагоняй за то, что сдала рассказ вместо домашнего задания по математике. Или в маминой парикмахерской. Или прячусь в кроне фруктового дерева, мысленно переносясь в какое-нибудь другое, более интересное место.

Обычно в центр Фоллинга никто не ездит, но если уж вы поехали бы, то наверняка оттянулись бы на полную катушку: ели бы тягучий плавленый сыр у воды, играли в дурацкие полуманья аркады, блуждали по зеркальному лабиринту, для которого я была слишком высокой, пробовали «мороженное из будущего», а после ужинали в ресторане в форме корабля, где подают стейки и лобстеров. Вгрызались бы в сочный стейк у иллюминатора, сидя под натянутой рыболовной сетью, наслаждаясь музыкой группы Heart, которая звучала в те дни отовсюду, словно бежала по невидимым венам этого туманного городка. А в канун Хэллоуина можно было пойти в живой дом с привидениями, где из холодильника выскакивает человек в хоккейной маске и бежит за вами по темным коридорам с бензопилой наперевес. С 1985 до 1992 года этим человеком был мой отец. Позже он работал в казино, где вы тоже наверняка оставили пару пенни. Попытался взобраться по карьерной лестнице и дослужиться от официанта до менеджера.

Но я почти уверена, что ничего из этого вы бы не делали, для этого нужно иметь на голове дурацкий хвостик из восьмидесятых, ну или глубокое чувство самоиронии. Скорее всего, вы сделали бы положенное селфи у водопада и уехали из Фоллинга без оглядки. В крайнем случае купили бы по пути к машине неоправданно дорогую рюмку или кружку, вроде той, из которой я пью вино. Ну или магнитик с фотографией водопада, более красивой, чем та, которую сделали вы. Может, тот, на котором есть радуга или надпись: «Водопадаю в твои объятия». Мама однажды в шутку подарила мне такой. С тех пор я с ним не расстаюсь. Креплю его на все холодильники, с которыми живу, даже на этот. Но летом я отдала его Аве, и она прилепила его на свой холодильник.

На *наш*, сказала она тогда.

Винокислятина щиплет меня за язык. Я слушаю, как жирдяй-извращуга за стенкой хохочет над ситкомом вразнобой с закадровым смехом аудитории. Интересно, как такой здоровяк умудряется жить в тесной комнатухе с низким потолком. Если судить по резиновым сапогам, которые он бросает у двери, то этот тип размером с тюленя. А в квартире надо мной живет какой-то оперный певец и без конца репетирует арии из дешевой оперетки. Звучит так, будто там обитает ошалевшая гага. Шторы я не открываю с того самого момента, как раздвинула их

однажды утром и увидела мужика, сидящего на пожарной лестнице. Он терпеливо ждал, когда я открою окно, после чего поднялся и распахнул пальто, показав мне свое хозяйство, вымазанное блестками. Он вечно разгуливает голышом, даже вечером, несмотря на холод. После того, как я увидела, как он пялится на меня, сжимая в руке член и обдавая дыханием мое окно с той стороны, никогда не открываю шторы больше чем на пару секунд. Правда теперь, стоит их открыть, я вижу на подоконнике кролика – он сидит там, как приклеенный, и никуда не уходит. Да еще и пялится на меня.

Покончив с вином, я предпринимаю попытку хоть что-нибудь написать. Мне нужно. Я должна что-то писать. Я поступила сюда ради этого, в конце-то концов. Открываю блокнот. Там пусто, если не считать криво нарисованного глаза, нескольких абстрактных завихрений и сто раз обведенных слов «*Не знаю, не знаю, не знаю*» в окружении вялых цветов.

Как же мне хочется вернуться в свой первый писательский кабинет – приемную в парикмахерской, где работала моя мама, когда я была совсем маленькой. Я часто сидела там, на продавленном диванчике, между пыльной нэцкэ Будды и вазой с искусственными цветами, под фотографиями женщин с немислимыми укладками, и с лихорадочным упоением писала рассказы. Клиенты, сидевшие в креслах по бокам и напротив делали вид, что читают журналы, а сами искоса поглядывали на меня, странную долговязую девчонку в растянутой футболке с рисунком болотной твари, писавшую что-то в блокнот с русалками, бросавшую на них взгляды из-под длинной челки, которую я хищно обороняла от маминых ножниц. Мне всегда было страшно, что этими ножницами она ненароком выколет мне глаз.

Че ты там пишешь? иногда спрашивали они.

Да, пишу статью про твои трусы, думала я в ответ.

Не обращайтесь внимания, увещевала их матушка, провожая к креслам или к мойке, куда они усаживались, откидывая головы и закрывая глаза. Я наблюдала за тем, как они сидят во вращающихся креслах, закутанные в пеньюары по самую шею, и смотрят на свое отражение с таким видом, словно впервые видят собственные лица. Они что-то говорили – обращаясь к моей маме или собственным отражениям, – но я никогда не могла понять что. Я видела, как они произносят какие-то слова, но ничего не слышала за гулом фенов и грохотом песен группы Heart из колонок. Хотя и отчаянно пыталась прочесть по губам:

Я – человек-ящерица.

Вечером у меня туса с инопланетянами, поэтому мне нужна во-от такая прическа.

Мой любовник – белочка из нашего парка. Ради него я и хочу покраситься в рыжий.

Сегодня вечером я планирую прыгнуть с водопада головой вперед и хочу, чтобы наращенные волосы красиво развивались за спиной.

Мама обычно кивала или смеялась, брала со столика кисточку, или ножницы, или бритву, или утюжок, и подносила к склоненным набок головам, усыпанным заколками. Заворачивала крашенные пряди в фольгу, а потом отправляла клиенток сидеть под штуками, которые казались мне похожими на печки для запекания мозгов. А те послушно сидели и запекались. Листали журналы.

Иногда, бывало, мама провожала клиентов не к вертящимся креслам, а уводила по коридору в маленькую, тускло освещенную процедурную. Эта запертая дверь и звуки, исходящие из-за нее наружу, породили мои первые рассказы-ужастики. Иногда я слышала лающие крики и ругань. Иногда – нервный смех. Тихие вскрики, больше похожие на вздохи. И другие нечленораздельные звуки, которые я не понимала, но которые пугали и интриговали меня. В детстве я была уверена, что, когда дверь, наконец, откроется, клиент выйдет оттуда с обожженным лицом, врезанными в щеки жабрами и прикрученными к голове рогами. Но они выходили как ни в чем не бывало, и никаких особых перемен в них заметно не было, если не считать легкого румянца.

Загадочная Восковая Комната. Мама никогда не рассказывала, что же там творится на самом деле, а я никогда не спрашивала.

Но все те лихорадочные рассказы, что я писала на диванчике в парикмахерской, были лишь жалкой пародией на триллеры и ужастики в мягкой обложке, которые моя мама жадно поглощала в перерывах между работой и которые я по вечерам потихоньку таскала к себе в комнату. Все мои персонажи были срисованы с ее клиентов, моих одноклассников и учителей, которые меня бесили.

Дай посмотреть, говорила мама, заметив, как я пишу что-то по вечерам.

Я еще не закончила, бессовестно врала я.

Это ваша дочь отправила на конкурс сочинений. Должен признаться, мы очень обеспокоены содержанием, не говоря уже о том, что это и сочинением-то не назовешь, однажды сообщил моей матери один из моих учителей.

Ох, да ради бога, отмахнулась от него мама. *Саманта боится собственной тени. У нее просто очень живое воображение. Впрочем, как и у всех детей, разве нет?*

Но я все равно видела, что она переживает. Ее беспокоило то, что я смотрю на мир сквозь искаженную призму своей жутковатой фантазии. Что я лгу направо и налево в ответ на простые вопросы в духе «Как дела в школе?», вместо того чтобы просто рассказать о том, как безумно скучно прошел мой день. Что я прячусь в свою комнату или забираюсь на дерево, растущее на заднем дворе нашего жилого комплекса, прихватив с собой блокнот.

– Чем ты там занимаешься? – спрашивала мама в щель между дверью и стеной таким тоном, словно я не в одной из комнат сидела, а находилась где-то очень далеко, в другом, недостижимом мире, куда сбежала из родного дома.

К сожалению, «парикмахерские» рассказы у меня не сохранились. Их все поглотили воды водопада после того, как мамы не стало. Ну или мне просто хочется думать, что это так. Те годы творчества были самыми плодовитыми и продуктивными на моей памяти. Пусть после я всегда что-то писала, но уже не мечтала сбежать в какой-нибудь другой, выдуманный мир, как тогда, когда не представляла себе, как можно жить в реальном мире и не стремиться всей душой в какой-нибудь другой.

Пока не приехала сюда.

– Иногда полезно сделать перерыв, – сказал Лев в прошлом январе, заваривая чай. – Сосредоточиться на чем-то другом. Почитать, навестить чужие выдуманные миры. Возможно, это период окукливания, который нужен, чтобы ты смогла вырасти. Развиться. Просто доверься ему, Саманта. Прояви терпение.

Мы беседовали у него в кабинете – он хотел обсудить, почему я в последнее время ничего не пишу. Тогда от нашей с ним дружбы уже почти ничего не осталось. Иногда мы встречались, но всего раз в две недели или и того реже, и только в его кабинете, в рабочее время, и только с открытой дверью. Я никогда не спрашивала, почему он перестал присылать мне песни посреди ночи и не звал выпить виски в баре посреди дня. А он сам никогда не объяснял.

– Так что в этом нет твоей вины, – сказал он под конец и одарил меня скупой натянутой улыбкой.

– Я не понимаю, что произошло, – проговорила я. Мне было больно на него смотреть, потому что он стоял спиной к окну, залитому солнечным светом. – В смысле, не понимаю, что со мной произошло. Раньше я все время что-то писала. А теперь...

– У творчества тоже есть приливы и отливы, – произнес он и бросил многозначительный взгляд на часы.

И в тот миг я подумала, что сошла с ума. Будто я все выдумала. И не было ничего, ни тепла, ни симпатии.

– Что еще за бред, – скривилась тогда Ава. – Уверена, он держит тебя на расстоянии из-за этих тупых куриц. Они видели, что вы постоянно тусите где-то вдвоем, и им это стало

поперек горла. Вот они и начали слухи распускать, а он зассал, как маленькая девочка. Так что никакой он не лев, а так... киска.

Я приказала себе взять себя в руки, сосредоточиться на работе и забыть о нем. Он даже Мастерскую больше не вел и перешел в разряд обычного научного руководителя. Что еще я могу ждать от него, кроме редких обязательных мейлов с вопросами о том, как продвигается работа и нет ли проблем. Формально – ничего.

Ну и хрен с ним. Теперь у тебя есть я.

Я снова проверяю телефон. От Авы – ни слуху ни духу. Снова перевожу взгляд на пустую страницу, но перед глазами у меня лишь лицо Льва во время той встречи у него в кабинете.

– Ты слишком много об этом думаешь, Саманта. Seriously.

– Может быть. Тогда, может, встретимся на следующей неделе? – спросила его я тогда.

– Давай повременим, – ответил он, и это был не вопрос, а утверждение. – Пришли мне что-нибудь, как будешь готова.

И с тех пор я его больше не видела. Я надеялась, что до летних каникул мы с ним еще пересечемся, но потом случилась та вечеринка. И если до нее наши отношения были просто странно натянутыми, а общение – неловким, то после все окончательно пошло прахом.

По-хорошему мне надо было хотя бы пару раз написать ему летом, рассказать, как продвигается исследование. И совершенно точно нужно было списаться с ним на этой неделе и рассказать о том, как продвигается моя дипломная работа. Но я на связь так и не вышла. Впрочем, как и он. И теперь сама мысль о встрече или разговоре с ним кажется мне просто невыносимой. Да и показать мне ему нечего, кроме горстки нарисованных глаз да парочки грустных цветов.

* * *

Я закрываю блокнот, принимаю душ в старенькой ванной и чищу зубы над щербатой раковиной, стараясь не смотреть на свое отражение в маленьком ржавом зеркале. Вместо этого я разглядываю пожелтевшую плитку над древним, как мир, унитазом. Один мужчина, с которым я спала, сказал однажды, что с этой плиткой ванна похожа на каюту военного корабля.

Когда-то давно я была довольно богатой. Но не долго. Это было сразу после смерти матери. Я тогда была угрюмым тринадцатилетним подростком и перебралась жить к отцу. Мы с ним кочевали по всей стране – он преследовал красочные мечты о богатстве, которые, впрочем, никто, кроме него самого, не понимал. Я, например, никогда не знала, чем именно он зарабатывает на жизнь. *Чем-чем, хрень всякую несет людям*, буркнула однажды моя мама, когда напилась. Сам отец называл это развитием недвижимости, *созданием возможностей для бизнеса здесь и за границей – Саманта, тут нужно понимать, видеть ситуацию*. Он пытался открыть сеть курортов в Южной Америке. И спа-центр на берегу Черного моря. Все, что ему было нужно, – это инвесторы, которые увидели бы в этом тот потенциал, который видел он. Которые в него поверили бы. В итоге он нашел таких людей – парочку ближневосточных принцев, несколько великодушных болгар и целую кучу техасцев. И вот в одночасье наша с ним жизнь изменилась.

Но продлилась эта сказка золотая всего несколько лет. Когда я вспоминаю ее, смутно, отдельными картинками, понимаю, что именно так и выглядит жизнь Заек. Весенние и летние каникулы в замках, переоборудованных под дорогие отели. Спа-процедуры с морскими водорослями. Просторные ванны, пуховые матрасы, высокие окна, из которых открывался вид на ухоженные парки, покатые изумрудные холмы и прибой, разбивающийся о камни. Отутюженная, накрахмаленная жизнь с иголочки. В каждой комнате – маленький пульт, при помощи которого можно поменять температуру так, как тебе хочется. Я должна была ощущать себя супервезучей. Но вместо этого начисто забыла, что когда-то была бедной. Вся эта роскошь

очень быстро стала казаться нормой. Когда я вспоминаю эту жизнь, перед глазами возникает лишь окно, в которое я глядела на лежащие передо мной красоты мира безучастным, даже немного скучающим взглядом. Я не отдавала им должное, видела, но не замечала. И кстати, тогда я тоже носила жемчуг. Когда на моей шее впервые застегнули жемчужное ожерелье, мне показалось, что оно вот-вот меня задушит, но через неделю я привыкла настолько, что совсем перестала его ощущать.

– Так, значит, ты тоже была Зайкой, – раздался в облаке дыма голос Авы, когда я впервые ей об этом рассказала.

– Нет, не была.

– Еще как была, – сузила глаза она, обвинительно ткнув в мою сторону сигаретой.

– Ну даже если и была, что с того?

Она смотрела на меня до тех пор, пока я не отвела взгляд.

– Ты слишком одержима собственной бедностью. Настоящим беднякам на свою бедность насрать, – сказала она, со знающим видом откинувшись на спинку кресла.

Я окинула ее взглядом. На Аве в тот день было голубое кимоно, так красиво потертое и изношенное, что невольно казалось, будто она сделала это специально. Она сидела, изящно развалившись в красном вельветовом кресле, которое мы подобрали на улице возле какого-то дома. Ее пальцы с ярко-красным педикюром торчали из сетчатых колготок, точно леденцы. Свет краденной лампы мигал над ее пушистой головой, точно вывеска мотеля. Она потягивала шампанское из широкого бокала на тонкой ножке. Где она вообще такой достала? *Неважно. Кое-где.* Ава как будто вообще никогда не переживает из-за денег. Иногда ее квартира напоминает мне декорации из артхаусного фильма про бедную парижскую художницу. Бедную, но невероятно стильную.

– Тебе же лучше, – сказала Ава. – *Серьезно, Хмурочка, если душа – это твое кимоно, то пара дырочек да потертостей его только украсят. Горький привкус прошлого еще никого не убил. Да и научись уже, наконец, самостоятельно убивать пауков.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.